

Татьяна Корсакова

УСАДЬБА ОЖИВШЕГО
МРАКА

Гремучий ручей

Татьяна Корсакова

Усадьба ожившего мрака

«Автор»

2021

Корсакова Т. В.

Усадьба ожившего мрака / Т. В. Корсакова — «Автор»,
2021 — (Гремучий ручей)

На дне Гремучей лощины снова сгущается туман. Зло вернулось в старую усадьбу, окружив себя стеной из живых и мертвых. Танюшка там, за этой стеной, в стеклянном гробу, словно мертвая царевна. Отныне ее жизнь – это страшный сон. И все силы уходят на то, чтобы сохранить рассудок и подать весточку тем, кто отчаянно пытается ее найти. А у оставшихся в реальной жизни свои беды и свои испытания. На плечах у Григория огромный груз ответственности за тех, кто выжил, в душе – боль, за тех, кого не удалось спасти, а на сердце – камень из-за страшной тайны, с которой приходится жить. Но он учится оставаться человеком, несмотря ни на что. Влас тоже учится! Доверять не-человеку, существовать рядом с трехглавым монстром и любить женщину яркую, как звезда. Каждый в команде храбрых и отчаянных пройдет свое собственное испытание и получит свою собственную награду, когда Гремучая лощина наконец очнется от векового сна...

© Корсакова Т. В., 2021

© Автор, 2021

Татьяна Корсакова

Усадьба ожившего мрака

Власу казалось, что он сходит с ума. Сосредоточиться никак не получалось. Сосредоточиться и принять творящееся вокруг, как реальность, а не как страшный сон. Рядом, совсем близко, захлебывался собственной кровью Зверобой, а он не мог ни помочь, ни облегчить мучения. Он должен был остановить зло. Вот это рядящееся под рубаху-парня зло, которое смотрело на Власа с удивленной насмешливостью.

– Я сказал, не приближайся к ним!

Влас крепче перехватил автомат, хоть и подозревал, что идти с автоматом против... этого – пустое дело. Или не пустое, а гиблое? Видел он и скорость, и ловкость, с которой орудовал Гриня. Это была нечеловеческая скорость и нечеловеческая же ловкость. Вот так-то...

– Стоять, – сказал Гриня ласково, но в то же время строго. Ему, Власу, сказал?

– Батя? – А это Митяй. Еле держится на ногах, но все равно держится, рвется к тому, кто больше не его... батя.

– И ты, парень, стой! – Не хотелось указывать на него вот так, автоматным стволом, но если по-другому никак, что ж остается? – Все стоим, не рыпаемся!

– Не рыпаемся, товарищ следователь. – Гриня улыбался, и в голосе его слышалась покладистость. Вот только останавливаться он не собирался. Медленно, шаг за шагом, Гриня приближался к Власу. Хорошо хоть, что не к пацанам. – Вот видишь, даже руки поднял.

Он их и в самом деле поднял, но двигаться не переставал. И смотрел не на Власа, а куда-то поверх его плеча. Как же хотелось обернуться! Аж между лопаток зачесалось. Но нельзя, его на такой детский трюк не возьмешь.

А Зверобой перестал хрипеть. Отмучился...

– Влас Петрович, что вы делаете? – А это Всеволод. Всеволод всегда казался Власу рассудительнее Митяя. До тех пор, пока не надумал сбежать из отряда, ограбив арсенал.

– Что я делаю?

А и правда, что он собирается делать? Или другой вопрос поважнее будет? Что собирается делать Гриня?

Отвечать не пришлось. Даже с мыслями собираться не пришлось. Влас шкурой почувствовал, что за его спиной кто-то есть. Вот на этого «кого-то» и смотрел Гриня, смотрел и улыбался. Обернуться? Может, если быстро, если рывком, так и получится?

Что получится, Влас и сам не знал. Знал он лишь одно, что вот прямо сейчас оказался между двух огней. И еще пойдя угадай, какой огонь страшнее.

За спиной зарокотало, а затылок опалило таким холодом, что онемела шея.

– Горыныч, – сказал Гриня все тем же одновременно строгим и ласковым тоном. – Не надо, сами разберемся.

Да, вот это правильное решение! Разбираться нужно самому. И как можно быстрее, потому что, если за спиной у него сейчас стоит упырь, то все... как.

Влас развернулся с максимальной стремительностью, всем корпусом, наставляя автомат на неведомого врага.

Враг и в самом деле оказался неведомый. Неведомый и невиданный. Из темноты на Власа выступало черное чудище о трех головах. Две головы были песьи, а третья... А третья болталась на шейных позвонках, клацала челюстями, зыркала красным из черных провалов глазниц. Вот тебе и оборотень... мало было упырей...

Чудище тихо рыкнуло, хлестнуло узким, похожим на кнут хвостом, и тонкая березка переломилась пополам. Влас попятился, передернул затвор. Осознание того, что эту красно-

глазую тварь пулей не зашибить, было таким же четким, как и осознание того, что теперь-то ему точно каюк.

По плечу вдруг деликатно похлопали.

– Товарищ командир, – сказал Гриня ласково. Сначала сказал, а потом врезал кулаком в висок с такой силой, что и без того темный мир сделался невыносимо черным и схлопнулся под яростный рык красноглазой твари...

...Сколько длилось это похожее на смерть забвение, Влас не знал. Наверняка он знал лишь одно: он до сих пор жив, раз так сильно, почти невыносимо болит голова. Застонать бы, завывать на манер той красноглазой твари...

Воспоминания о твари окончательно привели Власа в чувство. Окружающий мир посветлел, но не сильно. Света хватило ровно на пяточок вокруг старой буржуйки. Вот на этом пяточке, прямо на земляном полу, Влас и валялся, связанный и обезоруженный. Он валялся, а Гриня сидел рядышком, наблюдал.

– Очнулся? – спросил все тем же обманчиво вежливым тоном.

И как только понял? Влас, как очухался, ни шелохнулся, ни вздохнул, а темное нутро землянки изучал из-под почти сомкнутых век.

– Да знаю я, товарищ командир, что очнулся. Хватит Ваньку валять. Разговор у меня к тебе есть.

Разговор есть. Как любопытно и как неожиданно! Но раз он до сих пор жив, значит, и в самом деле есть разговор.

Влас открыл глаза, осмотрелся, теперь уже не таясь. Его приволокли в крошечную землянку, в которой и двоим-то не развернуться. Двоим не развернуться, а набилось в землянку четверо. Митяй лежал на единственном топчане с закрытыми глазами и в слабом свете свечи выглядел совсем больным. Рядом на табурете притулился Всеволод. Этот, кажется, дремал. Если не...

Влас уставился на Гриню.

– Все в порядке, – сказал тот шепотом, а потом вдруг добавил: – Я надеюсь.

– Чей схрон? – спросил Влас так же шепотом, хотя больше всего на свете ему хотелось спросить, куда подевалась трехглавая тварь.

– Мой. Еще с довоенных времен. Выйдем? Разговор есть.

Гриня встал сам и помог встать Власу, дернул за ворот куртки.

– Разговаривать так будем? – Влас обернулся на свои связанные за спиной руки.

– Там решим. – Гриня уже подталкивал его к выходу из землянки. – Пойдем, Влас Петрович, разговор у нас будет не для посторонних ушей.

На ребят он глянул с вполне себе человеческой тревогой. Да только Власа больше не проведешь.

Снаружи было темно, сыро и холодно. Кажется, наступила ночь. Влас огляделся, но в темноте толком ничего не разобрал. Хотя, сказать по правде, искал он только одно – красные огоньки, которые были у трехглавой твари вместо глаз.

Гриня прислонился спиной к стволу старого клена, закурил.

– Будешь? – Он протянул папиросу Власу.

– Буду. Развяжешь?

– Нет. Извини. – Гриня сунул папиросу ему в рот, чиркнул спичкой. Влас с наслаждением затянулся.

– Я думал, такие, как ты, не курят, – сказал, сжимая папиросу зубами.

– Какие – такие? – Гриня тоже затянулся и тоже, кажется, с наслаждением.

– Упыри.

Вот он и сказал то, что думал, то, что казалось еще более невероятным, чем трехглавый пес. Сказал и приготовился к смерти. Может, быстрой и легкой, а может, мучительной и медленной.

– Давно догадался? – Убивать Гриня его не спешил, зато разглядывал очень внимательно. Власу показалось, что в темноте его глаза тоже светятся. Как у кота в свете фар. Наверное, в самом деле показалось.

– Странности замечать стал еще в отряде, а окончательно все сложилось уже там... на полянке, когда ты своих же в капусту...

Захотелось сплюнуть себе под ноги, хоть как-то продемонстрировать свое отвращение, но Влас не стал, побоялся уронить папиросу, поэтому просто скривил губы в многозначительной ухмылке.

– Про своих это ты зря, Влас Петрович. Мои все там. – Гриня кивнул в сторону землянки. – А те, что на полянке, уже не люди... были.

– А ты, значит, человек?

– А я не знаю, товарищ командир. Может, уже и не человек.

Гриня глубоко затаился, прикрыл глаза. Вот если бы прямо сейчас вот в этот самый момент боднуть его головой в живот... А дальше что? Видел он, с какой скоростью и с какой ловкостью двигается Гриня. И красноглазую тварь о трех головах тоже видел. Если уйдет от упыря, то не факт, что уйдет от твари.

– С парнями все в порядке? – Хотелось спросить о разном, а вот спросил о том, что было самым нормальным и самым привычным из всего происходящего.

– С Севой нормально, а Митяй... – Гриня открыл глаза. В глазах его была боль и не было упыриной черноты. Ногти, кстати, тоже были самые обыкновенные, лишь с черной каемкой грязи. Влас успел разглядеть эту каемку в свете красного огонька папиросы. – Митяй потерял много крови.

– Как?

– Так! – Сказал Гриня и скрежетнул зубами. Крепкими, белыми – не упыринными. Кажется.

– Его покусали?

Гриня кивнул.

– Ты?

– Охренел?! – К скрежету добавилась не злость даже, а ярость пополам с обидой. – Я его отец, и вообще я никогда...

– Никогда – что?

– Никогда – никого! Ну, пораскинь мозгами, похож я на тех с полянки? Хочешь зубы тебе свои покажу?

– Не надо.

А мозгами он уже давно раскинул. Что-то не укладывалось происходящее в голове.

– Ты видел, как Зверобоя порвали? – Гриня не спрашивал, Гриня знал, что видел, поэтому Влас даже отвечать не стал. – Ты видел, как они действуют? Как зверье. Голодное, безмозглое зверье.

– А ты не такой?

– А я не такой. Пацаны живы. Ты, Влас, жив. Вот и скажи, такой я или не такой?

– Из тебя больше десятка пуль Зосимович достал. И все удивлялся, как такое может быть! Это ты уже тогда, выходит?..

– Выходит так.

– Это в Гремучем ручье, да? – Вот Влас и спросил то, что все время хотел спросить. – В усадьбе тебя таким... сделали?

– Почти. В лошине. Попался я... как кур в ошип, попался, товарищ командир. Прямо в лапы одному из них. Думал, все – конец мне. Думал, сдохну. Да что там – думал! Боженьку молил о смерти! Да только, похоже, отвернулся боженька от таких, как я. Вот, видишь, до сих пор землю топчу.

– И что теперь? – Глупый вопрос, почти детский. – Как ты со всем этим... – И ведь слов правильных не подобрать.

– Что я жру, ты хотел спросить? – усмехнулся Гриня. – Не закусываю ли безвинными младенчиками?

Влас молчал. Что на такое сказать?

– В отряде твоём никто не пропал, не захворал?

– Нет. – Влас понимал, к чему клонит Гриня.

– И с... Лидой все хорошо?

– Насколько мне известно. Ладно, Гриня, рассказывай, как есть. Меня уже, кажется, ничем не удивить.

– Зайца сожрал, – сказал Гриня шепотом. – Когда совсем невольно стало, вот тогда и закусил безвинным.

– Зайцем закусил?

Кто бы мог подумать, что от этого вот дикого признания ему станет легче на душе! Заяц – это тебе не младенец.

Гриня в ответ молча пожал плечами. Папироса догорела, опалила кожу жаром. Влас разжал зубы, носком сапога загасил бычок.

– А потом сразу отпустило. Веришь, в глотку тебе впиваться мне совсем не хочется. Ни с голодухи, ни вообще.

Как ни странно, а Влас верил! Может, от безвыходности ситуации, а может, от дикости всего происходящего. С упыриной Грининой сутью они как-нибудь разберутся. Ведь сам Гриня до сих пор умудрялся разбираться. Сейчас нужно было спросить о другом.

– Кто это был? – спросил и многозначительно огляделся по сторонам. – Тот самый оборотень, про которого рассказывал Зверобой?..

– Можно и так сказать. – Гриня усмехнулся. – Это Горыныч. Ну, мы его так зовём.

– Мы?.. – Час от часу не легче! У красноглазой твари, оказывается, есть кличка. И это «мы»...

– Я и ребята. Сева, Митяй и Соня.

– Они тоже его, того... знают?

– Ну как знают? Горыныча по-настоящему, думаю, даже мама родная не знает, но встречаться с ним ребятам доводилось. Да ты не переживай, Влас Петрович, если он тебе тогда башку не откусил, так и сейчас не тронет.

– Почему?

Снова захотелось курить, аж засвербело внутри.

– На! – Гриня сунул ему в зубы папиросу. Словно мысли его прочёл. Или в самом деле прочёл? – Да, не смотри ты на меня так. Это ж очевидные вещи, для этого не нужно быть упырем.

Возле самого лица вспыхнула спичка, отражаясь двумя красными огоньками в Грининых глазах. А потом Гриня тоже закурил. И сказал, глубоко затянувшись:

– Мало в жизни нынче осталось удовольствий. – Есть могу, пить могу, а вот чтобы любить это дело, как раньше, – нет такого. Из прошлого чувствую вкус курева и вина. Даже самогон не в радость. Представляешь?

Влас представлял. Он бы даже посочувствовал. При других обстоятельствах. Но сейчас ему было не до гастрономических страданий Грини.

– Почему зверь меня не тронет? – повторил он свой вопрос.

– Потому что ты со мной. Считаю, под моей защитой.

Под защитой упыря! Под защитой упыря от трехглавой твари. В страшном сне такое не приснится.

– Я гляжу, ты быстро свыкся со всем этим... – Гриня взмахнул рукой с зажатой в ней папиросой.

– Выбора другого нет.

А ведь и правда. Какой у него оставался выбор? После всего увиденного и не в такое поверишь.

– И как тебе информация? – Гриня смотрел Власу в глаза. Нормальным человеческим взглядом смотрел, но волосы на загривке все равно зашевелились.

– В штаб о таком не доложишь, – сказал Влас задумчиво.

– Вот и я так думаю. В штаб не доложишь, но делать что-то все равно нужно.

– С чем делать? Откуда все эти... люди?

– Из Видова. Добрая половина на той поляне – мои односельчане. Из тех, кто от карателей ушел. От карателей ушли, а от упыря, выходит, не смогли.

– От какого упыря? – Вот и проснулся в нем следователь. Давненько не высывался. – Есть какой-то конкретный упырь, от которого они становятся вот такими?

– Думал, больше не осталось. Выходит, ошибался.

– Так, Гриня, не темни! Рассказывай!

А в том ли он положении, чтобы требовать у упыря, твари смертельно опасной, разъяснений? Но ему ведь в самом деле нужно знать.

– А давай мы с тобой, Влас Петрович, заключим сделку. Так сказать, джентльменское соглашение. – Гриня улыбнулся. Вот только улыбка у него получилась невеселая. – У меня в этом деле свой шкурный интерес имеется, но и у тебя, я же вижу, тоже осталось какое-то дельце в Гремучем ручье. Пока не понял, чего тебя туда так тянет, но про усадьбу я знаю побольше твоего. Глядишь, помогу.

– А взамен что? – Предложение, если разобраться, было дельное. Если отбросить в сторону тот факт, что Гриня никакой не джентльмен, а самый настоящий упырь, который не так давно сожрал зайца.

– А взамен ты нам поможешь. Мне и пацанам. С Митяем нужно что-то делать, а я пока не знаю, что. К врачу ему нужно. До Зосимовича далеко, значит, придется тащить в город. А в городе, я так понимаю, знакомцы у тебя всякие водятся. Доктор точно должен иметься.

Доктор у Власа имелся. Старый, еще старше Зосимовича. Старше и осторожнее. Обращаться к нему можно было лишь в самом крайнем случае. Наступил ли этот крайний случай? Власу думалось, что наступил.

– Ну? – Гриня хмурился.

– Как будем до города добираться?

– Мои заботы. Что решил, товарищ командир? Принимаешь ты мои условия?

Выбора у него особого не было, да и желания тоже. Гриня хоть и упырь, но ведет себя пока вполне нормально. На вот этом «пока» Влас решил не заикливаться.

– Принимаю, – сказал и выплюнул догоревшую папиросу.

– Как приятно не разочаровываться в людях! – Гриня вытащил нож. Влас отступил на шаг. – Да не переживай, товарищ командир, руки тебе хочу развязать.

Гриня обошел его со спины, проверил крепость пут, а потом прямо на ухо шепнул:

– Еще одно условие.

Влас ничего не ответил. Он боролся с желанием обернуться. А еще боролся со страхом, что обернется, а позади себя увидит уже не того Гриню, с которым всего пару мгновений назад заключил джентльменское соглашение. Вместо этого Влас закрыл глаза и последнее условие Грини слушал вот так, зажмурившись.

– Они не знают, – сказал Гриня шепотом. – Пацаны мои не знают, что я вот такой.

В голосе его послышалась такая боль, что Влас открыл глаза и обернулся. Он обернулся, но Гриня позади себя не увидел. И веревка на запястьях уже была перерезана.

– Вот пусть так и остается. – Теперь голос Грини доносился из темноты справа от Власа. – Пока я не решу, что мне со всем этим делать.

– Или пока не вопьешься в глотку одному из них, – сказал Влас шепотом. Зря, наверное, сказал. Нельзя вот так с упырями. Но Гриня не обиделся и не разозлился.

– Есть такой риск, – сказал он с горечью. – Вот на этот случай ты и пригодишься, Влас Петрович. Если вдруг я начну того... сходиться с ума, ты меня убьешь. Только тебе одному я могу доверить такое важное дело.

Гриня выступил из темноты, белозубо улыбнулся. Власу потребовалась вся сила воли, чтобы не отступить ни на шаг.

– Сейчас проведу курс молодого бойца, и будем выдвигаться. Перемещаться нам лучше по темноте.

– Что за курс молодого бойца? – Влас потер занемевшие от веревок запястья.

– По убийству упырей. Пацаны мои уже знают, тебе тоже будет полезно. Убить их... – он запнулся, а потом решительно сам себя поправил: – Убить нас можно несколькими способами. Осиновый кол в сердце – первый вариант, так сказать, классический. Ну и башку снести – второй вариант. Вот эти два наверняка, все остальное, подозреваю, остановит, но не убьет. В голову мне не стреляли, поэтому достоверно не скажу, ну а остальные мои раны ты видел.

Влас видел, специально присматривался, когда они сушились у костра. На Грининых повязках не было даже следа крови. Влас подозревал, что и ран больше никаких не было.

– Ну что, по рукам? – спросил Гриня и руку протянул.

Это было испытание. Или, возможно, последнее третье условие. Глядя в насмешливые Гринины глаза, Влас крепко пожал его руку. Рука оказалась крепкой, ни холодной, ни горячей, вполне себе нормальной.

– У меня тоже будет условие, – сказал он, не разжимая пальцев, не отводя взгляда. – Ты расскажешь мне, что случилось в Гремучем ручье. Про всю эту чертовщину расскажешь.

– Расскажу, – легко согласился Гриня и так же легко высвободил из захвата свою ладонь. А захват у Власа был крепкий. Он и сам был крепкий, хоть и невысокий. Как говорится, мал да удал. Не сработала удаль с упырем. Упырь оказался удалее...

– А этот... – Влас оглянулся.

– Горыныч? – Гриня оборачиваться не стал. – Гуляет где-то, наверное. Власти у меня над ним нет, так... маленькое влияние имеется. Не переживай, товарищ командир, как объявится, я вас первым делом друг другу представлю. Познакомлю тебя сразу с тремя его головами, – сказал и невесело хохотнул.

* * *

Это был риск. Можно сказать, это был огромный риск, но чуйка, которая никогда Григория не подводила, нашептывала, что Власу Головину можно доверить даже такую тайну. Да и выбора у него другого нет. Он ведь не соврал, когда сказал, что нуждается в помощи.

Митяя до схрона донес Горыныч, а Григорий с Севой на себе тащили бесчувственного Власа. Сева попытался было узнать, за что Григорий так с товарищем командиром, но Григорий от его расспросов отмахнулся. Да и парню, видно, было не до того. От пережитого все они еще никак не могли прийти в себя.

В землянке Григорий быстро осмотрел Митяя, пощупал полыхающий жаром лоб, изучил рану на шее. Его собственных знаний хватило лишь на то, чтобы понять, что без медицинской помощи парень долго не протянет, умрет или от кровопотери, или от инфекции. Мелькнула

шальная мысль дать Митяю умереть, чтобы потом тот восстал вот таким неумолимым и неубиваемым. Но мысль эту Григорий тут же отбросил. Во-первых, не желал он единственному сыну такой не-жизни, а во-вторых, в случае с Митяем смерть могла оказаться самым обыкновенным концом, а никаким не переходом в иное бытие. Значит, придется спасать. А перед этим договориваться с Власом.

Договорились! Не ошибся он в товарище командире. Не то чтобы доверился Головину сразу и всем сердцем, но точно знал, что если Влас и решится всадить ему в грудь осиновый кол, то сделает это спереди, а не со спины. Пока и этого факта хватало для того, чтобы записать Власа в союзники, а не в противники.

Собирались быстро. Да и нечего им было особо собирать! Разве только наспех побросали еду в вещмешки. Севу Григорий разбудил прямо перед выходом. Сам уснул, сам и будил. Сева вскинулся, завертел башкой, увидел неподвижного Митяя, бросился к нему. Подружились пацаны.

– Живой, – сказал Григорий устало. И едва не добавил – пока живой.

– Дядя Гриша, ему нужно к врачу. – Сева тоже первым делом потрогал Митяев лоб.

– Знаю. Вот товарищ командир обещал нас к врачу отвести.

На Власа Сева уставился одновременно с удивлением и облегчением.

– Про упырей он знает, – сказал Григорий. – А с Горынычем мы его потом как-нибудь познакомим.

По потемневшему лицу Власа было ясно, что знакомиться с Горынычем ему не хочется. А вот Сева наоборот обрадовался. Сева тоже понимал, что Влас хороший союзник.

Снаружи Горыныча не оказалось, носился где-то по своим собачьим делам. Пришлось мастерить носилки из осиновых стволов и старого одеяла. Несли по очереди: то Сева с Григорием, то Влас с Григорием. Пока несли, Митяй ни разу не приходил в себя, но Григорий отчетливо слышал быстрое биение его сердца. Слишком быстрое, но тут уже ничего не поделать.

Горыныч нагнал их на рассвете, вынырнул из зарослей орешника. Горыныч вынырнул, а Влас отшатнулся, вскинул автомат.

– Тихо! Тихо, товарищ командир! Свои! – сказал Григорий успокаивающе и аккуратно поставил носилки с Митяем на землю. Мало ли, вдруг руки сейчас могут понадобиться. И даже непонятно, кого от кого придется защищать. – Горыныч, это свой.

Горыныч оскалится двумя головами, замер в нескольких метрах от Власа. Влас опустил автомат. Кремень-мужик! Сам бы Григорий, окажись на его месте, сразу бы начал палить. А этот ничего, держится.

Горыныч не стал обращать внимание на Власа, по-кошачьи крадущейся походкой подошел к носилкам, склонился над Митяем. Влас снова дернулся, Григорий предупреждающе схватил его за рукав.

– Не мешай, – сказал шепотом.

Горыныч лег рядом с Митяем, положил одну из голов ему на грудь. Теперь уже дернулся и сам Григорий. Не потому, что испугался, что пес причинит его сыну вред, а потому, что башка Горыныча весила немало, а сил у Митяя осталось в обрез, он и без этой тяжести на груди дышал еле-еле. Но обошлось. Горыныч голову тут же поднял, словно просто выслушивал сердцебиение. Поднял, вопросительно глянул на Григория. Тот едва заметно кивнул. Рядом с шумом вздохнул Влас. А Горыныч уже высунул длинный черный язык и языком этим принялся вылизывать Митяево лицо. Вылизывал долго и старательно, а когда закончил, в дело вступила Костяная башка – зависла над Митяем на этих своих позвонках, клацнула челюстями, застыла. Что там между ними происходило, Григорий не знал, но мог догадываться. Горыныч помогал его сыну продержаться. Точно так же он неделю назад помогал и самому Григорию.

– Что он делает? – спросил Влас и потянулся за папиросами.

– Что-то делает. – Григорий протянул руку, и Влас вложил в нее полупустую пачку.

Когда папироса догорела, Горыныч отошел от носилок, а Митяй пришел в себя. Он сел, осмотрелся. Вид у него был ужасный, не лучше, чем у упыря, но все же Митяй оставался человеком. Григорий был в этом совершенно уверен.

– Батя? – позвал Митяй и попытался встать.

– Я тут! – Григорий загасил папиросу, шагнул к Митяю, поддержал за плечи.

– Что это? Что со мной было?

– Отключился.

С другой стороны к Митяю уже спешил Сева. Влас не двигался с места, смотрел больше на пса, чем на Митяя. Ну да Григорию было не до Власа.

– Как себя чувствуешь? – спросил Сева, подныривая под безвольно болтающуюся Митяеву руку, помогая устоять на ногах.

– Нормально. – Тот попытался отстраниться. – Да что ты меня обнимаешь, как бабу?

– Смирно стой, – велел Григорий. – Никто тебя не обнимает.

Он по-прежнему чувствовал лихорадочное биение Митяева сердца, но жара уже не было. Интересно, надолго ли?

– А где?.. – Митяй снова принялся вертеть головой.

– Конец им, – ответил за Григория Сева.

– Это хорошо. – Митяй криво усмехнулся. – А то я думал, что это нам конец.

– Будет и нам конец, если не поспешим, – подал голос Влас. – Сам идти сможешь?

– Куда?

Влас задумался, наверное, прикидывал, сколько им нужно идти.

– Напрямую не попремся. На дороге наверняка будут патрули. Придется сделать крюк километра в три, но так безопаснее. Тимофей Иванович живет на окраине, через весь город идти не придется.

– Тимофей Иванович? – Митяй вопросительно посмотрел на Григория.

– Врач это, – сказал Григорий. – Тебе нужно к врачу, сынок.

– Не нужен мне никакой врач! – Митяй попытался высвободиться, пошатнулся и затих.

Характер есть, а сил, чтобы характер проявить, пока нет.

– Пока сможем тебя нести, понесем, – сказал Григорий таким тоном, что спорить никто не стал. Даже Митяй. – Я не знаю, надолго ли тебя хватит. А в город с носилками не сунешься, значит, там придется уже на своих ногах. Выдержишь?

– И не такое выдерживал. А где Горыныч?

А Горыныч словно только того и ждал – к Митяю сунулась Костяная башка, приветственно клацнула зубами. Григорий скорее почувствовал, чем увидел, как напрягся Влас. А Митяй погладил Костяную башку по черепушке, спросил:

– Это ж ты меня сейчас, да? Как тогда батю?

Костяная башка в ответ снова клацнула челюстями. Тяжело вздохнул, почти застонал Влас.

– С тобой, трехголовый, тоже надо бы что-то сделать, – сказал Григорий задумчиво. – Куда тебе такому красивому в город?

– Это он легко, – усмехнулся Митяй и заговорщицки глянул на Севу. Тот кивнул. – Горыныч, а проверни-ка еще раз тот трюк!

Митяй едва стоял на ногах, был белым, что полотно, но во взгляде его читался детский восторг.

– Что еще за трюк? – только и успел спросить Григорий.

Спросить-то успел, а вот разглядеть сам трюк не вышло. Только что стояла посреди полянки трехглавая монстра – и вот уже вместо одного трехглавого два одноглавых пса. Нет, не два – три! Просто третий с костяной башкой едва различим и больше похож на призрака.

Надо признать, очень страшного призрака. На память сразу пришла собака Баскервиль из любимой книги про Шерлока Холмса. Да, увидел бы Шерлок такую собачку, что бы сказал?

Шерлок ничего не сказал, сказал Влас.

– Да чтоб меня! – Вот, что он сказал и, кажется, едва не перекрестился.

– Разделяю твое изумление, Влас Петрович, – согласился Григорий. – Трюк и в самом деле удивительный.

Он критическим взглядом осмотрел двух Горынычей. Конечно, на дворовых псов они никак не походили, но у каждого из них было хотя бы по одной голове. А что глазюки горят красным и хвосты, что кнуты... Ну, такие вот особенности породы! А Костяную башку и вовсе можно не заметить. Что-то подсказывало Григорию, что именно Костяную башку следует отправлять в разведку.

Так они и сделали, когда вышли к городской окраине. Окраина эта ничем не напоминала город. Те же деревянные домишки, та же непролазная грязь, что и везде по весне. Но там, за домишками, виднелись и двухэтажные кирпичные дома, а еще дальше и несколько пятиэтажных. Город хоть и был провинциальный, но не захолустный.

– Костяная башка, ты вперед! – Велел Григорий. – Дай нам знать, если что. А вы, – он глянул на двух Горынычей, – держитесь, наверное, поблизости.

Носилки бросили еще на опушке леса и теперь Митяй шел своими собственными ногами. Григорий с Севой поддерживали его с двух сторон, чтобы не упал. Чувствовалось, что сил у Митяя осталось совсем мало. И жар возвращался.

– Далеко еще? – Григорий обернулся к Власу.

– Вон его дом! – Влас указал на стоящий на отшибе домик. Сейчас главное – до него добраться.

Это было не самое простое задание, потому что весеннее солнце уже светило вовсю, жгло лоб словно каленым железом. Григорий впервые пожалел, что не носит шапки. Сейчас бы шапка ох как пригодилась. И морду бы чем-нибудь прикрыть.

На морду он натянул шарф. Почти до самых глаз. Взярошил волосы, закрывая изрядно отросшими кудрями лоб. Свободную руку спрятал в карман. Полегчало. Похоже, солнце его не испепелит, все это сказочки и враки! Но вот на пляже ему отныне не валяться.

Откуда ни возьмись объявился Костяная башка. Вот прямо из воздуха, если уж на чистоту.

– Ну? – спросил Григорий. – Тихо все?

Костяная башка слабо вильнул костяным хвостом, снова исчез.

К дому доктора шли с максимально возможной скоростью, Митяя тащили почти волоком. Со стороны они, наверное, походили на компанию загулявших пьянчуг.

Запертую калитку Григорий открыл под многозначительным взглядом Власа. Открыл без особых проблем, втокнул внутрь Митяя, сунулся сам. Двор охраняла лохматая дворняга. Должна была охранять, но сейчас она молча лежала, распластавшись на земле, у лап одного из Горынычей. Вот и хорошо, лишний шум им ни к чему.

Дальше действовал Влас, крадущейся походкой подошел к крыльцу, постучал в окошко условным стуком. Какое-то время, Григорию показалось, что целую вечность, ничего не происходило, а потом по-стариковски сухая рука отдернула занавеску, в окне показалось сморщенное, похожее на печеное яблоко лицо.

– Кто там? – сварливо спросил скрипучий голос.

– Свои, Тимофей Иванович, – сказал Влас и встал так, чтобы старик мог его разглядеть.

Разглядывали Власа долго, снова целую вечность, а потом занавеска вернулась на прежнее место и потянулись минуты ожидания.

– Что-то он не спешит, – сказал Григорий зло.

– Возраст. – Влас пожал плечами. – Сейчас откроет.

Словно в подтверждение его слов из-за двери послышались шаркающие шаги, и дверь с неожиданной силой распахнулась.

– Что ж вы такое творите, Влас Петрович? – послышался из полумрака сеней все тот же сварливый голос. – Фрицы кругом, а вы среди бела дня!

– Обстоятельства, Тимофей Иванович, – сказал Влас, как показалось Григорию, смущенно. – Мы войдем?

– Да заходите вы уже быстрее! Одного не могу понять, почему Жучка молчит? Она ж чужих непременно облаивает.

– Так мы свои, – сказал Григорий, втаскивая в сени Митяя. Следом задвинулся Сева. Влас вошел последним и тут же запер дверь на засов.

– Идите в комнату! – Велел старик. – Его скрюченный силуэт уже виднелся в дверном проеме. – Раненого кладите на диван. Я сейчас приду, только вымою руки.

Вдвоем с Севой они уложили окончательно обессиленного Митяя на обшарпанный кожаный диван и остались стоять над ним истуканами.

Старик вернулся на удивление быстро, в руках у него был потертый медицинский чемоданчик. Сам же он чем-то неуловимо напоминал Зосимовича, хоть и был лет на двадцать старше.

– Ну-с, давайте посмотрим, что у нас тут, – сказал он, закатывая рукава некогда белой, а сейчас пожелтевшей от частых стирок сорочки. Глядя на эту сорочку, Григорий как-то сразу понял, что живет Тимофей Иванович один, без женщины. Ни одна уважающая себя хозяйка не допустила бы такого безобразия. Вот его Зося все белое сначала кипятила, а потом еще и крахмалила. В сердце кольнуло. Как давно он не вспоминал свою Зосю? Давно... Но сейчас воспоминание это было светлым, не пугающим. И перед внутренним взором Зося встала той, какую он привык видеть и хотел помнить – веселой, рыжеволосой, зеленоглазой.

А старик уселся на придвинутый Власом табурет, на соседний поставил свой уже раскрытый чемоданчик. Лицо ее выражало теперь не неудовольствие, а озабоченность.

– Разденьте его, – сказал он, прилаживая на переносицу очки. Одно из стекол было разбито, дужка замотана пластырем. – Ну, давайте живее, господа!

– Господа, – хмыкнул Сева, но под строгим взглядом Григория тут же залился смущенным румянцем.

Митяя Григорий раздел сам. Раздел, отступил в сторонку, вперил взгляд в старика.

Тот, вопреки своей прежней неспешности, сейчас действовал быстро и ловко. На весь осмотр ушло совсем немного времени.

– С лихорадкой понятно... – бубнил он себе под нос, – лихорадка из-за пневмонии. Но, господа, имеет место серьезнейшая кровопотеря. Откуда?

Он снизу вверх посмотрел сначала на Власа, потом на Григория.

– Мы не знаем Тимофей Иванович, – быстро сказал Влас. – Отбили парня у немцев уже вот таким.

Это был правильный ответ, и за этот ответ Григорий был Власу безмерно благодарен. А старик уже внимательно разглядывал запястье Митяя. То самое, со следами...

– Странная рана, – снова бубнил он себе под нос. – Странная, но ведь не смертельная? А других я не вижу. И внутреннее кровотечение я могу исключить с высокой долей вероятности. Не понимаю! – Он отпустил руку Митяя, и та безвольно повисла.

– Доктор, что-нибудь можно сделать? – спросил Григорий и не узнал собственный голос.

– Все, что от меня зависит, но меня изрядно смущает эта казуистика. Сделать бы сейчас общий анализ крови... Эх, нет у меня доступа к лаборатории!

– Тимофей Иванович, надо парня спасать, – сказал Влас очень тихо и очень твердо. – Если мы хоть чем-то можем вам помочь...

– Можете. – Старик со стоном встал с табурета. Даже стоя он был ниже Григория на две головы. – Но мне нужно знать его группу крови...

– Четвертая! – сказал, почти выкрикнул Григорий. – Четвертая, я точно знаю. У него в детстве был фимозный аппендицит...

– Флегмонозный, – поправил доктор ворчливо. – Флегмонозный аппендицит.

Григорию это казалось незначительным, но спорить он не стал.

– Как скажете, доктор. Но про четвертую группу я точно знаю.

– Универсальный реципиент. – Старик удовлетворенно кивнул. – Это хорошо. А вы родственник?

– Отец.

– И какая у вас, сударь, группа крови?

– Я не знаю...

На самом деле он знал, четвертая, резус положительный. Как и у Митяя, но разве можно переливать сыну такую кровь?..

– У меня первая, – выступил вперед Влас. – Тимофей Иванович, помните, когда Степана Липского ранили, вы ему мою кровь переливали? Вы меня тогда тоже называли универсальным...

– Донором. Вы, Влас Петрович, универсальный донор. И, наверное, можно утверждать, что молодому человеку повезло.

– Он у меня фартовый, – сказал Григорий шепотом.

– Ну, о фартовости его мы будем судить после инфузии, – проворчал старик. – А теперь работаем, господа! Мне потребуется помощь!

И как-то все завертелось-закрутилось. Они только и успевали выполнять распоряжения Тимофея Ивановича. А когда началось само... переливание, Григорий вышел из дома. Нет, ему не хотелось крови. И желания впиться в чью-нибудь глотку у него тоже не было. Но показалось, что так будет правильнее и надежнее. От греха подальше, от этого острого, с металлическими нотками кровавого духа.

Снаружи его ждали оба Горыныча. Костяная башка, видно, где-то шлялся. Лохматая докторская собачонка забила в будку и не казала носа. Григорий пошарил по карманам, нашел папиросы, закурил.

– Вот такие дела, – сказал он одному из Горынычей. И тот, кажется, кивнул в ответ. – Как жить-то нам теперь?

Горыныч лег у его ног, положил голову на черные, как ночь, лапы, закрыл глаза.

– Как думаешь, если фон Клейст жив, то может и Танюшка тоже?

Горыныч открыл глаза, посмотрел очень внимательным, испытующим взглядом.

– Я обещал помочь тебе ее отыскать. Помню. – Григорий глубоко затаился. – Я все для этого сделаю, если придется, костями лягу. Дай мне только Митяя вытащить. Перед ним у меня тоже должок. Понимаешь?

Горыныч вздохнул и вдруг положил голову Григорию на колени. От Горыныча шел холод. Если бы Григорий был очень впечатлительным, то сказал бы – могильный холод, а так лишь поежился и поднял воротник. Второй Горыныч тоже улегся рядом, обвил длинным змеиным хвостом щиколотки Григория, тихо рыкнул. Григорий и его погладил по голове. Для полной пасторали не доставало лишь Костяной башки. Но этот всегда был сам по себе. Такой вот свободолюбивый.

– Вы только деду на глаза не кажитесь, – сказал Григорий шепотом. – Вообще никому не кажитесь. Издалека вы может за собак и сойдете, но только издалека.

Оба Горыныча синхронно вздохнули. Папиросу Григорий докуривал в молчании. А потом еще долго сидел на крыльце, не решаясь войти в дом, где, как он был уверен, все еще пахло кровью. Он уже думал, не заглянуть ли для начала в окошко, когда позади скрипнула

дверь. Нет, сначала он услышал тихие шаги и по шагам этим безошибочно признал Власа, а потом уже скрипнула дверь.

– Есть закурить?

Влас с опаской покосился на Горынычей, тяжело опустился рядом, посмотрел вопросительно. Левую руку он держал согнутой в локте. И пахло от него... Ну, кровью и пахло.

– Что там? – спросил Григорий, протягивая Власу папиросу.

– Перелили. – Влас закурил, и ядреный табачный дух, перебил запах крови. – Уж не знаю, сколько Тимофей Иванович из меня выкачал, но чувствую я себя сейчас прескверно. Как он продержался, а?

– Не знаю. – Григорий пожал плечами. – Крепкий он у меня, крепкий и настырный.

– Ну, что настырный, это я заметил. – Влас усмехнулся. – Сам-то как?

– Нормально.

– А поконкретнее?

– Поконкретнее? Ну, в глотку тебе впиться мне все еще не хочется.

– Хорошо. – Влас вздохнул с явным облегчением.

– Спасибо тебе, Влас Петрович. – Не думал Григорий, что когда-нибудь доведется ему благодарить товарища Головина, а вот довелось.

– Да не за что, – отмахнулся тот.

– Ты ему жизнь спас.

– Хорошо, если спас. Ты, Гриня, не радуйся раньше времени. Тимофей Иванович мужик мировой и врач от бога, но тут многое будет и от твоего Митяя зависеть.

– Если только от Митяя, то я спокоен, – усмехнулся Григорий. – Но перед тобой у меня все равно должок.

– Должок, – сказал Влас очень серьезно. – И требовать его с тебя я не премину.

– Стребуешь. – Григорий загасил папиросу, встал. – Только дай на сына сначала посмотреть. Ты со мной или с собачками посидишь?

– С тобой. – Влас тоже встал. – Не привык я еще к этим твоим... собачкам.

Горынычи тихо заворчали – снова синхронно, но не зло.

– Они к тебе пока тоже не привыкли, но что уж теперь?

Григорий толкнул дверь, пропустил Власа вперед, вошел следом.

Вопреки опасениям, в комнате больше пахло самогоном, который доктор использовал вместо спирта, чем кровью. В стоящем на табурете железном лотке лежал шприц и еще какие-то незнакомые Григорию инструменты. Митяй лежал на диване с закрытыми глазами. Коже его по-прежнему была бледна, но сердце билось уже ровнее и спокойнее.

– Ну, готово дело, – сказал Тимофей Иванович, вытирая руки полотенцем. – Переливание мы ему сделали, лекарство укололи. Остается следить за реакцией организма и ждать.

– Спасибо, доктор! – сказал Григорий прочувствованно.

– Одним «спасибом» не отделаешься, молодой человек. – Усталым жестом старик снял очки. – И от вас потребуется помощь. Надеюсь, вы поможете и своему сыну, и моим будущим пациентам. Необходимых лекарств у меня осталось на сутки, а дальше все... Нечем лечить.

– Добуду, – сказал Григорий, не раздумывая. – Вы только скажите, где.

– Вот в том-то и проблема. Раньше я все необходимое покупал у одного... спекулянта, но он пропал из города.

– А где брал лекарства спекулянт? – спросил Григорий нетерпеливо.

– Полагаю, в городской больнице. – Тимофей Иванович покачал головой, поправил сам себя: – Когда-то городской, а сейчас немецкой. Выхода у меня на эту больницу никакого нет. С момента оккупации я побывал там лишь однажды. Так сказать, по приглашению.

– По приглашению? – удивился Григорий.

Григорий удивился, но и сам доктор, казалось, удивился еще сильнее. Он замер перед столом. Его рука, сжимающая очки, зависла в нескольких сантиметрах над старой плюшевой скатертью, словно бы Тимофей Иванович хотел положить очки на стол, но в самый последний момент передумал.

– Что вы сказали, молодой человек? – спросил он и свободной рукой потер подслеповатые, слезящиеся глаза.

– Это вы сказали, Тимофей Иванович, что посещали больницу по приглашению.

– Оговорился. – Старик покачал головой и положил-таки очки на стол. – Работал я там. Еще до пенсии. А когда началась оккупация, приходил сам к этому их новому начальству Рихарду Штольцу.

– Зачем? – Кажется, пришло время Власу удивляться.

– С просьбой, Влас Петрович. Я ходил к нему с просьбой. Хотелось мне тогда думать, что иду я на разговор коллеги с коллегой, а получилось, что на поклон. Здание больницы они заняли полностью. Под госпиталь. Ну, вы это и без меня знаете.

Влас кивнул, задумчиво посмотрел на Григория. Интересно, о чем думал?

– Из персонала там не осталось почти никого. Я врачей имею в виду. Две сестры милосердия и одна санитарка – вот и весь персонал. Война – не война, но люди-то болеть не перестали. Я бы даже сказал, наоборот. Когда разруха, голод и антисанитария, чего хорошего ждать? А я, старый дурак, все равно ждал. Просил разрешить мне вести в больнице прием гражданского населения. Понимаете, не все манипуляции можно сделать вот так... в домашних условиях. Бывает, что нужна и перевязочная, и операционная. И медсестра у меня на примете уже имела. Лидочка, очень способная девочка. Если бы не война, стала бы замечательным врачом.

Лидочка? Григорий бросил вопросительный взгляд на Власа, тот молча кивнул, мол, да, та самая Лидочка.

– А даст бог, так еще и станет. – Тимофей Иванович тоже посмотрел на Власа. – Как она там, оправилась?

– Оправилась, кажись... – сказал Влас не особо уверенно.

А Григорий точно знал, что не оправилась, и неизвестно еще, когда сумеет оправиться. Потому что кричит по ночам, потому что сны ее душные и страшные. Пыточные сны.

– Хорошо, – старик кивнул. – Вы ей при случае передавайте от меня привет. Скажите, велел кланяться Тимофей Иванович. Хорошая девочка. Да...

– Доктор, вы про больницу говорили, – напомнил Влас. – Про свою просьбу.

– Ну, теперь, надеюсь, понятно, что из этой моей просьбы вышло. Не скажу, что прогнали меня взашей. Штолец меня даже выслушал. Улыбался всю дорогу, кивал, а потом сказал, что ничем не может помочь. Что жизнь одного немецкого солдата в разы важнее жизней всех гражданских вместе взятых. Но снизошел... – Тимофей Иванович усмехнулся. – Впечатлил его мой немецкий, не иначе. Разрешил вести частную практику, пообещал обеспечить лекарствами и инструментами. Обманул, негодяй. Так ничего мне и не выделили. Сначала перебивался старыми запасами, потом потихоньку начал продавать фамильное серебро. – Он снова усмехнулся. – Вынес из дома все ценное, а теперь вот и спекулянт мой пропал.

– Но в больнице лекарства есть? – спросил Григорий.

– И лекарства, и перевязочный материал. Я в этом абсолютно уверен.

– Раз есть, значит, я вам их доставлю.

– Молодой человек! – Старик снова нацепил очки на нос, посмотрел на Григория сквозь толстые стекла. – Я должен вас предупредить, это опасная затея. Больницу охраняют. Особенно после того, как наша Лидочка... – Он вздохнул и продолжил: – После ареста Лидочки. Она ведь тогда всю вину взяла на себя, про меня даже словечком не обмолвилась. Знаю, что сейчас она в относительной безопасности, но как подумаю, что ей пришлось выдержать, сердце кровью обливается. Пожалела старика.

У Григория тоже сердце обливалось кровью. Потому что ему и думать не нужно, ему было достаточно заглянуть в сны Лидии.

– Она сильная, Тимофей Иванович, – сказал Влас. – И она не вас пожалела. Не корите себя. Она просто четко понимала, что вы нужны нам на свободе.

– Не утешайте, – отмахнулся старик, а потом перешел на другой, деловой тон: – План больницы у меня есть. Сохранился еще с тех времен, как я там работал. На плане отмечу самые основные помещения. Расскажу, как проще и безопаснее попасть внутрь. Составлю список того, что взять нужно будет обязательно, и отдельным списком то, что желательно. Сами понимаете, в дефиците сейчас абсолютно все.

Влас с Григорием слушали, переглядывались и кивали.

Инструктаж закончился так же внезапно, как и начался.

– Вы, наверное, голодные? – спросил Тимофей Иванович и окинул их всех рассеянным взглядом. – Не скажу, что много у меня разносолов, но...

– А мы со своими разносолами! – оборвал его Григорий и глянул на Севу: – Давай-ка, парень, тащи сюда вещмешок!

Ели все за тем же столом, только предусмотрительно сняли с него скатерть, чтобы не испачкать. Ели быстро, молча и... жадно. Особенно старик. Глядя на него, Григорий подумал, что, когда кончилось «фамильное серебро», в ход пошли имеющиеся в доме съестные припасы. Сам он к еде почти не притронулся, погрыз сухарь для видимости, на том и остановился.

– Совсем решил не жрать? – спросил его Влас, когда они курили на крыльце. – Или тебе теперь без надобности?

– Есть у меня надобность. Не переживай, товарищ командир, – усмехнулся Григорий. – Просто продержаться я могу дольше. Кажется.

– Кажется? – Влас изумленно вскинул кустистые брови.

– Не разобрался еще. Не было времени. – Григорий осмотрелся. Горыныча нигде не было видно, ни одного из трех. – Значит, выхожу, как только стемнеет.

– Выходим, – поправил его Влас. – Ты конечно спец по замкам и взломам...

– Не завидуйте, товарищ командир.

– Спец по замкам и взломам, – повторил Влас, – но в городе я ориентируюсь получше твоего. Да и вдвоем унести можно больше.

Скрипнула дверь, на крыльцо вышел Сева, сказал без прелюдий:

– Я с вами!

Влас с Григорием переглянулись. Влас уже было открыл рот, но Григорий его опередил:

– Всеволод, ты не с нами, ты с Митяем и Тимофеем Ивановичем. Если вдруг придется срочно уходить, на тебя вся надежда. Понимаешь? Доктор один не справится, и Митяя я без пригляда бросить не могу. Поэтому в другой раз. Хватит еще и на твою голову приключений.

Он уставился в глаза Севе. Не то чтобы хотел что-то про него узнать, просто само собой получилось. Увидеть успел немного, парень в мгновение ока выстроил между собой и Григорием серую каменную стену. Ишь, какой молодец! Но кое-что Григорий все-таки успел понять. Как только решится вопрос с Митяем, как только его жизни ничего не будет угрожать, Сева ринется в Гремучий ручей. Ринулся бы прямо сейчас, но чувство долга не пускает. Пока еще долг сильнее любви. Но сколько еще так будет продолжаться?

– Мы добудем лекарства и отправимся на ее поиски. Обещаю, Всеволод.

И Сева не стал спрашивать, кого он имеет в виду, лишь прикрыл глаза и кивнул. А Григорий с горечью подумал, как много долгов у него накопилось, скольким людям он обещал помочь, но до сих пор так и не помог.

* * *

Самым тяжелым было дожидаться вечера. Чтобы сократить срок ожидания и набраться сил, Влас завалился спать. Сева тоже прикорнул в старом докторском кресле. Бодрствовать остались только Тимофей Иванович по причине стариковской бессонницы, и Гриня по причине своей упыриной сути. Вот это последнее Влас принял неожиданно легко. Даже не ожидал от себя такой легкости. Или легкомыслия? Потому как, каким бы хорошим человеком не был Гриня, сейчас он уже не человек. Мало того, он и сам не знает, на что способен и как себя поведет. Вот это настоящая проблема, если разобраться. Но Влас разумно постановил решать проблемы по мере их поступления. Уже засыпая, он услышал, как Тимофей Иванович интересуется у Грини, что у него с лицом. Что ответил Гриня, он так и не услышал, провалится в тяжелый, без сновидений сон.

Разбудил его Гриня, бесцеремонно толкнул в плечо. Кажется, и легонько толкнул, а плечо враз занемело.

– Пора, Влас Петрович, – сказал он, глядя в окошко. За окошком багровел закат. Ох, и не понравился Власу этот багрянец.

Митяй и Сева все еще спали. Митяй выглядел не хуже и не лучше себя прежнего. Видно, ему не так повезло, как папеньке. Приходится сражаться с хворами своими собственными силами. Про причину хвори Влас подумал уже тогда, когда они с Гриней вышли из дому, спросил прямо, без обиняков:

– А пацан твой не того?

– Не – чего? – уточнил Гриня мрачно.

– Не перекинется, если его... покусали.

– Перекинулся бы, если бы после этих покусов умер, – сказал Гриня после недолгой паузы. – Он бы умер, его бы похоронили, а он бы выкопался. На манер дождевого червя.

– Или на манер тех фрицев, про которых рассказывал Зверобой?

Гриня кивнул.

– Только это был бы уже не он. У упыря от человека остается разве что память. Приходят они к тому, кого помнили и любили при жизни. Память остается, а любви никакой.

– Супруга твоя тоже?... – Догадался Влас.

Гриня снова молча кивнул.

– И тебе пришлось ее...

– Не мне. Я бы не смог. Тетя Оля, ну, та самая, помогла. Женщина она была решительная, сама все сделала. Кстати, ее упырь тоже порвал. Я при ней тогда был в такой же шкуре, как ты сейчас при мне. Рассказала она мне, куда бить, куда целиться, чтобы наверняка. Если придет время. Время пришло... Но все случилось по-другому.

– Как случилось? – спросил Влас.

– Долгая история, я тебе потом как-нибудь расскажу. Давай ты мне, Влас Петрович, пока расскажешь, что тебя так тянет в Гремучий ручей, какой у тебя в этом деле интерес.

– Расскажу, – пообещал Влас. – Будет время, обязательно расскажу, а пока не до того. Двигаем!

Двигались быстро, короткими перебежками, не попадаясь на глаза ни редким горожанам, ни немецким патрулям. Да и что удивительного? Один профессиональный вор, второй профессиональный сыщик. У обоих опыта хоть отбавляй. Притормозили лишь у больницы, чтобы провести рекогносцировку.

Больницу охраняли. Прав был Тимофей Иванович. Охрана стояла на центральном входе, и двое автоматчиков курсировали по периметру. Интересно, куда подевались Гринины собачки?

Гриня словно прочел его мысли.

– Знаешь, чего мне сейчас больше всего хочется, Влас Петрович? – спросил он шепотом.

– Чего?

– Натравить на этих гадов Горыныча. Ты ж в Гремучем ручье был, видел, как он умеет.

Власу и самому хотелось. Велик соблазн, когда у тебя в помощниках такая вот нездешняя сила. Но здравый смысл подсказывал – не нужно поднимать шум, действовать надо тихо и чисто, чтобы комар носа не подточил.

В больницу вошли через подвал. С замком Гриня разобрался в три счета. Власу показалось, что прямо голыми руками, без отмычек. В подвале было темно, пахло сыростью. Влас включил фонарик, в свете его Гриня показался ему настоящим упырем. Вот такую злую шутку сыграло с Власом воображение.

– Выключи, – прошептал Гриня.

– Не видно же ни хрена. – Влас погасил фонарик.

– Мне видно. – В воцарившейся темноте Гринины глаза блеснули красным. Или просто показалось от неожиданности.

– Тебе может и видно, а мне как быть? – проворчал Влас. – Если я сейчас на какой-нибудь хлам налечу и устрою тут...

– Нет тут никакого хлама, – оборвал его Гриня. – А если будет, я тебя предупрежу.

Дальше шли молча. Гриня бодро и уверенно, а Влас, считай, наощупь. Света прибавилось, когда узкая лестница вывела их к двери. Вот из-под двери свет как раз и пробивался.

– Погоди-ка, – сказал Гриня одними губами, а сам прижался ухом к двери, постоял так секунд двадцать, прислушиваясь, а потом осторожно толкнул дверь.

Они вошли в подсобку, заваленную бытовым хламом, ведрами, швабрами и тряпками. На плане Тимофея Ивановича она так и значилась «подсобным помещением». Лунный свет сюда проникал через узкое, забранное решеткой оконце. Влас достал из-за пазухи план, расстелил на старом колченогом табурете, включил фонарик. Гриня может и видит в темноте, как кот, но он-то пока еще человек.

Получалось, что для того, чтобы дойти до кабинета с лекарствами, им нужно пересечь почти всю больницу, пройти мимо палат и сестринского поста. Задача выходила не из легких. Даже если предположить, что больные спят в своих палатах, то в коридоре запросто можно повстречать кого-нибудь из персонала. Или охраны, что еще хуже.

– Я пойду один, – сказал Гриня решительно. – Поверь, Влас Петрович, без тебя я справлюсь быстрее и надежнее.

Почему-то Влас в этом ни секунды не сомневался. При нынешней Грининой скорости и ловкости, шансы его повышались в разы. Но как же он сам-то может отсиживаться, когда кто-то другой, да еще такой неблагонадежный, будет осуществлять основную операцию?

– Если через четверть часа не вернусь, выбирайся один. – Гриня забросил на плечо вещмешок. – За парнями моими и стариком, надеюсь, присмотришь? – спросил очень серьезным тоном.

– Вместе присмотрим, – сказал Влас. – Удачи тебе, Гриня.

– Забыл? Я ж фартовый! – В полумраке подсобки блеснули белоснежные Гринины зубы. – Ну все, я пошел.

Как он пошел, Влас толком и не разглядел. Кажется, только моргнул, а дверь уже бесшумно закрылась. Потянулись долгие минуты ожидания. Несколько раз Влас порывался отправиться на поиски Грини, но здравый смысл всегда побеждал. На исходе отведенной на ожидание четверти часа дверь в подсобку снова бесшумно открылась, впуская внутрь черную тень. Влас напрягся, вскинул автомат.

– Свои, – сказала тень голосом Грини.

– Ну что? – спросил Влас сдавленным шепотом.

– Ну все, уходим, товарищ командир.

Выходили тем же путем, каким и заходили. Заминка случилась уже у подвальной двери. Идущий впереди Гриня внезапно замер, и налетевшему на него в темноте Власу стоило больших трудов не выругаться. Хорошо, что не выругался, потому что за дверью кто-то был. Влас слышал это даже своим человеческим ухом. Потянуло табачным дымком. Наверное, тот, кто стоял снаружи, специально искал затишное место, чтобы закурить. Появилась надежда, что он скоро уйдет. Сколько той папиросы?

Влас остался стоять на месте, а Гриня бесшумно, будто на кошачьих лапах, подошел к двери, заглянул в щель между досками. Влас скорее почувствовал, чем увидел, как он преждевременно махнул рукой. Мол, подожди, товарищ командир, скоро выйдем.

Он уже и настроился ждать, когда снаружи послышался мужской голос. Говорили по-немецки, тихо и, кажется, удивленно. Влас крепче сжал рукоять автомата, хоть и понимал, что в нынешних условиях действовать лучше ножом. А потом дверь содрогнулась от удара, послышались странные, какие-то булькающие звуки. Влас сунулся вперед, но напоролся на твердое, как камень, плечо Грини. Дверь больше не содрогалась, а мелко-мелко вибрировала, словно бы снаружи кто-то бился об нее в конвульсиях. Когда вибрация эта затихла, наступила полнейшая тишина. Спросить бы, что там такое происходит, но вот страшно. Почти как в детстве, когда маленькому Власу казалось, что под кроватью затаилось чудовище. Только он не маленький, а чудовище затаилось не под кроватью, а за вот этой хлипкой дверью, которая медленно-медленно открывается...

Нет, это сначала дверь открывалась медленно, а потом вдруг распахнулась с такой силой, что врезалась в стену. В дверном проеме стоял фриц. Влас понял это по форме. Фриц пошатывался из стороны в сторону, как пьяный. Власу и подумалось сначала, что пьяный. И вот эти булькающие звуки враз получили объяснение. Жаль, что ненадолго. Фриц перестал раскачиваться и ломанулся в подвал. Может быть, Влас и сам бы среагировал. Даже наверняка. Но Гриня его опередил, одной рукой оттолкнул его от двери, а другой схватил за ворот фрица. Он схватил, а фриц зашипел, и как-то сразу стало понятно, что это не человек, что зараза из Гремучей лощины расплзается по округе.

Додумать эту мысль до конца Влас не успел. И разглядеть толком тоже ничего не успел. Просто услышал сначала противный хруст, а потом еще более противный чавкающий звук. Наступившая после этого тишина не была абсолютной. В ней кто-то тяжело, с присвистом дышал. Влас не сразу понял, что это он сам так дышит. А когда понял, дышать почти перестал. Зато смотрел во все глаза.

На улице перед дверью лежало растерзанное, истекающее кровью тело часового. Наверное, того самого, который решил перекурить в затишном месте. Перекурил... А у ног Грини лежало второе тело. И Власу не было нужды разглядывать его зубы, чтобы понять, что это упырь.

Гриня наклонился над упырем, без малейшего усилия выдернул у него из груди охотничий нож, глянул на Власа.

– Не получилось по-тихому, Влас Петрович, – сказал шепотом. – Давай-ка, если не брезгуешь, помоги мне второго сюда стащить. Глядишь, хватятся не сразу. Хотя, кровищи тут...

Влас молча выбрался из подвала, ухватил часового за ноги. Вдвоем с Гриней они заволокли тело в подвал, закрыли дверь. На то, чтобы хоть как-то замаскировать следы крови, не оставалось времени. Да и что толку? Пропажу часового обнаружат довольно быстро. Поэтому уходить нужно как можно скорее.

Они не уходили, а бежали бегом. Влас доверился Грининой чуйке. Или не чуйке, а слуху и зрению. Еще бы как-то не отставать от этого двуязыльного.

Сбавили ход уже на самой окраине, остановились в тени разрушенного сарая, чтобы отдышаться. Вернее, это Власу нужно было отдышаться, а у Грини даже дыхание не сбилось. Если у него вообще оно есть – это дыхание.

– Плохо дело, – сказал Гриня, наблюдая за тем, как Влас пытается прийти в себя после пробежки.

– И не говори! Нужно заняться физподготовкой.

– Я не про то. Я про упыря.

– Да, далеко зашел. Как ты его? Мне показалось, голыми руками?

– Не показалось. Сначала башку свернул, а потом уже ножом.

– А если бы только башку?

– Не знаю, не стал рисковать. Не о том сейчас нужно думать, Влас Петрович.

– А о чем? – Наконец-то дыхание восстановилось и сердце перестало выпрыгивать из груди.

– Я о том, что вот таких... – Гриня помолчал, подбирая правильное определение, но так и не подобрал, махнул рукой. – Вот таких ходячих мертвяков создавать могли только фон Клейст и его чокнутая сестрица. Сестрицу убила тетя Оля. Труп ее я видел собственными глазами. А фон Клейста, предположительно, взорвал твой человек.

– Сева сказал, что видел фон Клейста в Гремучем ручье.

– Видел, – Гриня кивнул. – И я допускаю, что этот кровосос до сих пор жив.

– Тогда что тебя смущает?

– Фон Клейст всегда был очень осторожен и никогда не оставлял следов.

– А кто оставлял? – сердце замерло, а потом снова понеслось вскачь.

– Ирма. Его сестра. Эта считала лошину своими охотничьими угодьями, а людей своими живыми игрушками. Но Ирмы нет, а упырей становится все больше и больше. Если их создает не фон Клейст, тогда кто?

– А сами они не могут как-нибудь... плодиться? – спросил Влас растерянно. – Ну, куснул упырь простого человека, выпил кровушку – и все, готов новый упырь.

– Нет, – Гриня покачал головой. – Упырь не может создать себе подобного, потому что не может вовремя остановиться. Упырь не выпивает кровушку, как ты изящно выразился, а рвет свою жертву в клочья. Там вообще другой... механизм.

– Хотелось бы знать, какой. – Власу и в самом деле было важно знать. Так сказать, ради будущей борьбы. – Ты уж прости за бестактный вопрос, но каким образом ты стал вот таким? Почему сохранил рассудок и... человечность?

– Мне бы тоже хотелось это знать. – Гриня пожал плечами. – Есть у меня кое-какие догадки.

– Поделись.

– Поделюсь, только давай по дороге. Слышу, ты уже отдышался.

– Слышит он, – проворчал Влас и первый тронулся с места.

Какое-то время шли молча, а потом Влас не выдержал:

– Так что за догадки, Гриня?

– У них, у упырей, имеется какая-то своя иерархия. Ну, как я это разумею, – Гриня говорил, не глядя на Власа. Чувствовалось, что говорить ему о таком неприятно и больно. – Насколько я понимаю, раньше у них вообще не получалось создавать этих... упырей. Просто жрали людей по-тихому, так и жили. Но в Гремучей лошине все изменилось. Ирма говорила, что это особенное место, очень благоприятное для таких, как они. Я пока не разобрался, в чем тут соль, но голос лошины я стал слышать намного отчетливее.

– Особое место, понятно. С упырями что? – Власу не терпелось, это чувство было сродни зуду. Так сильно ему хотелось знать правду!

– Сначала жертвы просто умирали. Все началось с Клауса фон Клейста. Это старший брат Ирмы и Отто. Старший и сумасшедший. Его привезли в усадьбу в дубовом ящике, как дикого зверя. И так же, как зверя, держали на цепи. Но однажды охранник сплеховал, и Клаус сбежал.

– Зверь из лощины... – начал было Влас.

– Да, это не Горыныч, это он, – закончил за него Гриня. – Клаус фон Клейст. И это он напал на тетю Олю, когда та возвращалась из усадьбы в деревню. Напал, хлебнул ее кровушки, но не растерзал. Вот такая странность. Ты уже странного много навидался, Влас Петрович, поэтому одной больше, одной меньше. Тетя Оля и Танюшка, внучка ее, они особенные. Что-то связывает их род с родом фон Клейстов. Что-то такое было в их крови, что-то одновременно опасное и жизненно необходимое упырям.

– Насколько особенные? – деловито поинтересовался Влас.

– Насколько? – Гриня замедлил шаг, обернулся. Его глаза снова блеснули в темноте красным, но Влас уже не отшатнулся. Кажется, он и в самом деле начал привыкать к странностям. – Горыныча видел?

– Трудно не увидеть.

– Так вот, это тети Оли пес. Она его позвала. Или призвала?

– Откуда призвала?

– Не знаю, но думается мне, с какого-то другого света. Горыныч служит их роду уже много веков, но это долгая история. Главное, что тебе нужно знать, основное его предназначение – оберегать женщин рода.

– Так ведь некого больше оберегать. Или я чего-то не знаю?

– До недавнего времени я тоже так думал, а теперь вот начинаю сомневаться. Если бы не было кого, так и Горыныча тут уже не было бы.

– Ладно, с этим мы обязательно разберемся, – пообещал Влас и Грине, и самому себе. – Дальше рассказывай.

– Да нечего особо рассказывать. Как Клаус тети Олиной крови напился, так сначала чуть не сдох, а потом у него в мозгу наступило просветление. А те, на кого он нападал, стали превращаться в упырей.

– В обычных упырей, из тех, которых мы уже видели? – уточнил Влас.

– Да, в обычных. И пока Клаус охотился в лощине, Ирма развлекалась в усадьбе, а Отто предавался научным экспериментам. Каждый из них был одержим одной целью – созданием себе подобных. Вот только неувязочка... созданные ими упыри долго не жили. Если это вообще можно назвать жизнью. Митяй мой – он ведь тоже из подопытных кроликов фон Клейста. Представляешь, что пацану довелось пережить?

Влас не представлял, но вот понимать Митяя начал чуть лучше. И Митяя, и Гриню.

– В чем суть экспериментов была, не знаешь? – спросил он.

– Могу догадываться. Видел, как старуха заставила одну из своих... игрушек выпить ее крови. Девочка та долго не прожила.

– Какая девочка?... – Влас схватил Гриню за рукав, потянул, заставляя остановиться. – Про кого ты сейчас говоришь?!

– Про девочку из прислуги, такую же, как Соня наша. Знаешь, как они действовали, товарищ командир? Набирали молодняк из городских. Ну, вроде как, на службу в усадьбу, а потом потихонечку этим молодняком кормились. Фон Клейсту нравились пацаны, а Ирма предпочитала девочек. – Гриня вдруг замолчал, устало потер глаза. – Девочки эти у меня до сих пор перед глазами стоят. Самых первых старуха просто выпивала до донца, выпивала, а тела прятала в водонапорной башне. В отопительном котле. Наверное, ты не видел.

Влас видел. И башню видел, и в котел заглядывал. Не было там никаких мертвых девочек.

– Зимой же холодно. И в башне тоже холодно. Понимаешь? Девочки эти мертвые на первом уровне в котле, а Митяй мой под крышей на цепи. – В голосе Грини послышалась боль

пополам с яростью. – А потом она решила тоже эксперименты ставить, как ее братец. Вот ту последнюю девочку она как раз и напоила собственной кровью. Они же послушные становятся, связь у них какая-то образуется с упырем. Вот и у Митяя моего до сих пор эта связь...

– Как девочку зва...

Договорить Влас не успел, Гриня дернул его за плечо, впечатал в стену и зажал рот рукой так, что ни вздохнуть, ни пикнуть. Вырваться Влас не стал, понял, что к чему. Мимо метрах в десяти прошел немецкий патруль.

Гриня ослабил хватку, лишь когда фрицы скрылись за поворотом, сказал виновато:

– Извини, инстинкты...

Влас кивнул, а потом задал свой самый главный вопрос:

– Как звали девочку, Гриня?

Прежде, чем ответить, Гриня на него посмотрел. Вроде бы только в глаза заглянул, а показалось, что в самую душу. Еще и раскаленной кочергой в этой душе пошуровал. А с чего бы еще она так разболелась?

– Ее звали Настей, Влас Петрович, – сказал Гриня почему-то виноватым голосом.

Влас судорожно вздохнул, спрятал лицо в ладонях. Была надежда, что это «не та» Настя, но правду он уже знал. Ту правду, из-за которой перекапывал в овраге братскую могилу, из-за которой, как одержимый, рвался в Гремучий ручей.

– Родственница твоя? – Послышался над ухом голос Грини.

– Племянница, – сказал он, не открывая глаза. – Единственная. В подпольщицы записалась. Хотела, как я, но знала, что не позволю, поэтому без моего ведома, против моей воли. Я от Ефима узнал, уже за сутки до операции.

– Потому и пошел сам, вместо связного?

– Да. Я матери ее, сестре своей покойной обещал, что буду за Настеной приглядывать.

– Я тоже много кому обещал, – вздохнул Гриня. – Веришь, до сих пор толком ни одного обещания не сдержал...

– Что с ней стало? – спросил Влас и открыл глаза.

– А сдюжишь, Влас Петрович? – Гриня снова заглянул ему в лицо и удовлетворенно кивнул. – Мне кажется, Ирма сначала ею просто... кормилась.

Влас со свистом втянул в себя воздух. Пусть бы Гриня остановился, пусть бы замолчал! Потому что он не сдюжит, не сможет дослушать все до конца. Но Гриня решил иначе.

– А потом она напоила Настю своей кровью, и девочка стала... ну, ты видел, какими они становятся, Влас Петрович.

– Она еще... жива? – спросил он сиплым голосом. Курить захотелось невыносимо. Где эти чертовы папиросы? – Я не нашел ее тело там... в овраге.

– Ее больше нет, Влас. По-настоящему нет.

– Убили? – И не понять, стало ему легче или еще больше от осознания того, что Настены больше нет, что она не одна из этих тварей.

– Убили.

– А... кто?

Ответил Гриня не сразу, а когда ответил, Власу подумалось, что правды ему никогда не узнать. Оберегать убийцу Настены Гриня будет всеми силами. И есть в этом свой резон.

– Я не знаю, Влас. Да и тебе лучше не знать, поверь. Убила ее Ирма фон Клейст. А второй раз... это уже была не она.

Умом Влас все это понимал. Умом понимал, а сердце не принимало, обливалось кровью, криком кричало.

– Где она? – только и хватило сил спросить.

– Я их похоронил. И тех девочек из башни, и Настю. Не мог я их там бросить, Влас. Понимаешь? Когда Горыныч разобрался с гарнизоном, я сделал все... Я по-человечески все сделал. Могилку я тебе потом покажу. Если захочешь.

– Я захочу. – Влас вытер сухие, воспаленные глаза. – И спасибо тебе, Григорий.

– За что? – Гриня вздохнул.

– За человечность. – Влас протянул ему руку.

Рукопожатие его оказалось крепким и теплым, в самом деле почти человеческим. В этот миг подумалось вдруг, что человечности в упыре Грине куда больше, чем в иных людях. Вот такие дела...

* * *

Сева проспал. Ну как маленький, честное слово! Проснулся на закате с тяжелой со сна головой, осмотрелся. Тимофей Иванович дремал, прикорнув у стола и положив голову на скрепленные руки. Митяй лежал на диване. Дяди Гриши с Власом Петровичем нигде не было видно. Значит, ушли добывать лекарства.

Первым делом Сева подошел к Митяю, положил ладонь ему на лоб. Лоб был горячий, но, кажется, не такой горячий, как раньше. Однако, дышал Митяй тяжело, со свистом. Наверное, из-за воспаления легких.

На цыпочках, стараясь никого не потревожить, Сева вышел во двор, огляделся в поисках Горыныча. Горыныч не показался. Может ушел с дядей Гришей, а может просто не захотел. И только лохматая собачонка молча выбралась из своей будки, глянула на Севу черными пуговицами глаз и тут же спряталась обратно. Сева тоже уже собрался возвращаться, когда услышал сиплый крик Митяя.

Перед мечущимся на диване Митяем уже склонился Тимофей Иванович. Вид он имел вполне себе бодрый, словно и не спал всего пару секунд назад. У Митяя вид тоже был... бодрый. Он метался, кричал и бился в конвульсиях.

– Ну-ка, молодой человек, помогите мне! – скомандовал доктор. – Держите его за плечи. Боюсь моих сил не хватит.

Сил Севы тоже едва хватало, чтобы удержать на месте Митяя. Но он держал, прижимал друга к дивану, заглядывал в смертельно бледное лицо. Заглядывал, а когда Митяй открыл глаза, все равно испугался, чуть не отшатнулся от неожиданности.

Взгляд у Митяя был пустой и бессмысленный, кажется, он бредил и видел какие-то бредовые сны.

– Больно, – прохрипел Митяй.

– Знаю, что больно. Ты потерпи, скоро полегчает, – сказал Сева и погладил Митяя по голове.

– Мне нужно проснуться, – снова прохрипел Митяй и заметался. – Выпустите! Выпустите меня отсюда!!!

– Тимофей Иванович, что с ним? – теперь уже и Сева хрипел. Наверное, от волнения.

– Разберемся. – Доктор ловко набирал в шприц какое-то лекарство. – Вы главное держите его, молодой человек!

Держать с каждой секундой становилось все тяжелее, пришлось навалиться на Митяя всем весом, придавить к дивану коленом и думать, как это опасно, бы не придушить ненароком.

– Мне нужно проснуться! – уже не хрипел, а кричал Митяй. – Я больше так не могу! Отпустите!!!

– Держите, молодой человек! – отозвался доктор. – Держите, я сейчас! Пару секунд.

– Митяй, не кричи! Сейчас все сделаем, все поправим. Хочешь проснуться – просыпайся! Все будет хорошо...

Сева держал и уговаривал. То ли друга, то ли себя самого. А Митяй вдруг перестал метаться, и взгляд его сделался осмысленным, но все равно пронзительно нездешним.

– Сева?.. – спросил вдруг Митяй шепотом. – Сева, это ты?..

Что-то кольнуло в груди, в том месте, где сердце, что-то отозвалось на это беспомощное «Сева, это ты?..» А потом Митяй снова заметался, закричал:

– Сева, где ты?! Разбудите меня! Пожалуйста, разбудите!!!

– Таня?.. – неожиданно для себя произнес Сева. И оторопел.

Откуда это пришло? Где родилась эта странная и одновременно невероятная уверенность, что невидящими глазами Митяя на него смотрит Танюшка?

– Таня! – крикнул Сева. – Танюшка! Где ты?!

Она хотела ему ответить. Кажется, хотела. Но не успела. Подкравшийся из-за спины Севы доктор вонзил в бедро Митяя шприц. Вонзил и забубнил успокаивающе:

– Вот так, вот так... Держите его, молодой человек... сейчас все закончится...

Оно и закончилось. Закрылись незрячие глаза Митяя. Закрылся канал. И тонкая нить, связывавшая Севу с Танюшкой, оборвалась с пронзительным звоном. Захотелось орать и расшвыривать мебель. Захотелось ударить этого проворного старика, который все-все испортил, который не позволил ей договорить...

Сева не ударил, просто, когда Митяй затих, молча вышел на крыльцо, уселся на ступеньки, сжал виски руками. Завыть бы тихо, по-собачьи, вот как Горыныч...

Горыныч выступил из темноты. Трехглавый красноглазый пес смотрел на Севу и утробно рычал. Или выл?

– Ты ее тоже слышал? – спросил Сева у Горыныча. – Ты ее слышал и пришел на ее зов?

Горыныч вздохнул всеми тремя своими головами. Во вздохе этом Севе послышалось облегчение.

– Значит, слышал. Значит, мне не почудилось.

Горыныч лег у его ног.

– Она спит. Понимаешь? Она где-то одновременно тут и не тут. Не может вырваться из этого своего... сна. Поэтому ты ее потерял, да? Ты просто не чувствовал ее в этом мире, да?

Горыныч качнул одной из своих голов, тихонько заворчал.

– А только что у нее получилось пробиться, да? Не проснуться окончательно, но нащупать дорожку в этот мир, да? Через Митяя нащупать.

На мгновение Севе стало обидно, что она пришла к Митяю, а не к нему самому. У него ведь были такие яркие, такие реалистичные сны, в которых он строил замок специально для нее, для Танюшки. У Ольги Владимировны получилось войти в его сон, а Танюшка не захотела. Или не смогла?

Коленям вдруг стало нестерпимо холодно. Это Горыныч положил на них одну из своих голов, положил, заглянул Севе в глаза. Строго так посмотрел, совсем не по-собачьи.

– А сейчас ты ее чувствуешь? – спросил Сева, проводя ладонью по колючей, пахнущей дымом шерсти. – Ты можешь ее отыскать?

Горыныч зажмурился и на мгновение полностью слился с темнотой, а когда в темноте этой вспыхнули три пары красных огней, Сева уже и сам все знал.

– Она в Гремучем ручье.

Это было очевидным. Это был единственно верный ответ.

Горыныч снова вздохнул, убрал голову с его коленей, отступил в темноту и снова с темнотой этой слился.

– Ты куда? – позвал Сева, но темнота больше не отозвалась. Горыныч исчез.

А во двор вышел Тимофей Иванович, устало облокотился на покосившиеся перила, спросил:

– С кем вы разговаривали, молодой человек?

– Ни с кем. – Сева встал. Неудобно сидеть, когда пожилой человек остается стоять. – Вам показалось, Тимофей Иванович.

– Показалось? – В голосе доктора послышалась усмешка. – У меня проблемы со зрением, но не со слухом. Но будем считать, что показалось.

– Как Митяй?

– Держится жар, но это ожидаемо. Препарат еще не подействовал. Я уколол ему вторую дозу. Надеюсь, господа подпольщики добудут лекарства.

– Какие они вам господа... – буркнул Сева себе под нос, но Тимофей Иванович все равно услышал.

– Благородные господа. Вот в этом контексте нужно рассматривать мое заявление, молодой человек.

Он обошел Севу, тяжелым стариковским шагом спустился по ступеням, с кряхтением присел на корточки перед будкой, позвал:

– Жучка? Ну где ты, моя хорошая?

Собачонка высунулась из будки, глянула на хозяина, заскулила.

– Да что с тобой такое? – спросил Тимофей Иванович. – Заболела ты что ли?

Он погладил собачонку по голове, потрогал нос.

– Мокрый. Не заболела. А чего тогда тихая такая, а?

Сева знал, почему тихая. Из-за Горыныча. Но зачем доктору такие подробности? Он вздохнул и вернулся в дом.

Митяй спал, раскинувшись на диване. Что это был за сон, кто был в этом сне, Сева мог только догадываться. Захотелось схватить Митяя за тощие плечи, затрясти изо всех сил, вызвать ту, что пряталась на дне Митяевых зрачков. Он уже и руку протянул, но тут же отдернул. Митяй ни при чем. Митяй и сам сейчас болтается между небом и землей. Зачем его тревожить?

А вот самому Севе подумать было о чем. По всему выходило, что вместе с фон Клейстом выжила и Танюшка. И держит он ее именно в Гремучем ручье. Потому там и охрана на воротах. Но что с ней?! Почему подать о себе весточку она может только вот так, через Митяя?! И почему именно через Митяя? Что их связывает?

Ответ был очевиден. Митяя и Танюшку связывает только один человек. Нет, не человек! Их связывает упырь! Сначала Отто фон Клейст ставил опыты над Митяем, а теперь ставит их над Танюшкой. Вот такая там связь! Та самая, упыриная, которая как невидимая удавка захлестывается у тебя на шее и тянет, тянет.

От осознания всего ужаса происходящего заломило в висках. Захотелось тут же броситься на поиски Танюшки. Сева бы и бросился, если бы не данное дяде Грише обещание. Если они с Власом Петровичем до рассвета не вернуться, заботы о Митяе и старом докторе лягут на Севины плечи.

Потянулись долгие часы ожидания. Оставаться в доме было неважно, и Сева то и дело выходил на крыльцо, вдыхал пропитанный весенней сыростью воздух, всматривался в темноту.

Дядя Гриша с Власом Петровичем Головиным появились, когда заря еще не занялась, но звезды на небе уже потухли. Самый темный час, самый страшный. Наверное, Сева все-таки задремал, сидя на крыльце, потому что, когда кто-то легонько тронул его за плечо, едва не вскрикнул.

– Свои, – сказал дядя Гриша и тут же спросил: – Ну как вы тут?

– Митяй спит. – Сева встал, потер словно песком засыпанные глаза. – А вы? Получилось?

– Получилось. – Дядя Гриша ободряюще похлопал его по плечу, прошел в дом.

Следом на крыльцо поднялся Влас Петрович. Вид у него был странный, какой-то пришибленный. На Севу он даже не взглянул, оперся на перила, закурил. Оставаться рядом с ним было неловко, словно бы Сева напрашивался на разговор. А он не напрашивался, у него

и собственных проблем хватало. И обсуждать эти проблемы он станет не с командиром, а с дядей Гришей. Так уж вышло, что только дяде Грише он может доверить эту страшную тайну. Поэтому Сева ничего не сказал Головину, а молча вернулся в дом.

Добыча оказалась богатой. Это если судить по тому, с каким восторгом Тимофей Иванович рассматривал принесенное.

– Прекрасно... великолепно... – бубнил он себе под нос, перебирая многочисленные пузырьки и пакетики. – Отличная работа, господа! Просто великолепная!

Дядя Гриша никак не реагировал на его восторги, он стоял на коленях перед лежащим на диване Митяем, гладил того по белым волосам. Сначала гладил, а потом просто положил одну руку на лоб, а вторую на грудь, закрыл глаза, будто сосредотачиваясь на чем-то понятном только ему одному.

– Как он? – Сева встал за сего спиной.

– Жар спал. – Дядя Гриша обернулся. – И дыхание ровнее.

– Взял бы вас себе в помощники, любезный, – отозвался Тимофей Иванович. – Вы поразительно точно для обывателя оценили состояние пациента. Да, ваш сын стабилизировался. И с добытыми вами препаратами у меня появилась надежда на благополучный исход. Думаю, ему даже не понадобится повторное переливание крови.

– Это хорошо. Спасибо, доктор! – Дядя Гриша встал с коленей, посмотрел на Севу, сказал шепотом: – Выйдем, Всеволод. Разговор есть.

Они тихонько протиснулись мимо увлеченно перебирающего лекарства доктора, вышли во двор, где закуривал очередную папиросу Влас Петрович.

– Что? – спросил Сева нетерпеливо. – Вы что-то видели?

– Видели, – дядя Гриша кивнул. – Еще одного упыря прямо в городе.

– Я не понимаю...

Сева и в самом деле не понимал, откуда взялось столько упырей. Ему думалось, что всех созданных старой ведьмой они убили еще неделю назад, а потом столкнулись на поляне с бывшими односельчанами Митяя: мужиками, бабами, детьми... Откуда они взялись? Кому потребовалось их создавать?

– Фон Клейст? – выдвинул он единственно логичное предположение.

– Зачем ему? – Дядя Гриша пожал плечами. – Он упырь, но не дурак. В первую очередь он должен думать о своей безопасности. А какая тут безопасность, когда по Гремучей лощине шастает столько нежити?! Пойдут слухи, разговоры. Опять же, одно дело – гражданское население, и совсем другое – немецкие солдаты.

– Думали они о своих, когда половину гарнизона в овраге прикопали, – хмыкнул Влас Петрович. – Нет у этих тварей ничего святого.

– Святого точно нет, но чувство самосохранения быть должно. Особенно у фон Клейста. Этот выродок очень осторожен. Я своими собственными ушами слышал, как он с сестрицей ругался из-за этих... – Дядя Гриша замялся, быстро глянул на Власа Петровича, – из-за этих девочек. Из-за того, что она с ними творила, почти не таясь. Нет, это не его рук дело.

– Рук... – снова хмыкнул Влас Петрович.

А ведь и в самом деле, его изменила эта ночная вылазка, произошел в нем какой-то надлом. Из-за упыря? Так он их уже видел. Непонятно.

– Если не фон Клейст и не эта его гадина... – слово «гадина» он процедил сквозь стиснутые зубы с особой какой-то ненавистью. – Тогда должен быть кто-то еще. Этот их третий чокнутый брат, к примеру.

– Он мертв. – Дядя Гриша покачал головой.

– Ты лично видел его мертвым? – спросил Влас Петрович зло.

– Мне тетя Оля сказала. Фон Клейст убил его после того, как меня... – дядя Гриша осекся, так и не договорив.

– А если она ошиблась? Если не доглядела? – продолжал гнуть свое Влас Петрович.

– Не могла она не доглядеть, – сказал дядя Гриша твердо. – Я уверен.

– Ты, Гриня, может и уверен, а вот у меня есть сомнения. Понимаешь, работа у меня была такая – подвергать все сомнению и искать причастных к совершенному преступлению. Так вот я тебе сейчас как следователь говорю: есть кто-то еще, какой-то третий кровосос. И если это не фон Клейст и не та... сука, значит, остается только тот, с кого вся эта свистопляска началась. Как, говоришь, погиб Клаус фон Клейст?

– Порубили его, – сказал дядя Гриша, но как-то не слишком уверенно.

– Порубили. – Влас Петрович кивнул. – А где? Хотя бы приблизительно место преступления указать сможешь?

– Да я и точно могу. Наверное. Тетя Оля сказала, что пряталась в овраге, когда они сцепились. А оврагов там всего несколько. Ты что надумал, Влас Петрович? – спросил дядя Гриша и сощурился.

Севе вдруг показалось, что в темноте его глаза подсветились красным, не так, как у Горыныча, но похоже. Нет, показалось. Наверное, в них просто отразился огонек папиросы.

– Я надумал изучить место преступления и убедиться, что подозреваемый издох, как ты мне тут и толкуешь.

– И что это тебе даст? – спросил дядя Гриша. В голосе его слышалась нерешительность. Словно бы он уже и сам не доверял собственным словам.

– Исключим или добавим в список подозреваемых еще одного кровососа, – сказал Головин с мрачной решимостью. – Хреновый бы я был следователь, если бы хватался за первую попавшуюся версию.

– И когда пойдем... версии проверять? – спросил дядя Гриша мрачно.

– Я бы прямо сейчас и пошел, пока не рассвело.

– Я с вами! – Сева даже сделал шаг вперед, словно до этого его было плохо видно, а чтобы предупредить возражения, сказал: – Митяю уже легче, Тимофей Иванович за ним присмотрит. Ему даже кровь больше не надо переливать. А через несколько часов мы снова вернемся.

– Вернемся и раньше, если не будем дурью маяться, – проворчал дядя Гриша и посмотрел на Власа Петровича: – С дедом сам договаривайся. Как договоришься, догоняй. Мы пошли.

И пошел. Не дожидаясь ни Власа Петровича, ни Севу. Сева рванул следом. Может быть, получится поговорить о случившемся с Митяем без посторонних. Конечно Влас Петрович не совсем посторонний, но только дядя Гриша сумеет его понять. Или хотя бы поверить.

Поговорить наедине не получилось. Головин догнал их через пару минут.

– Договорился, но вернуться обещал к обеду. Так что действовать будем быстро.

– Уверен, товарищ командир? – Дядя Гриша глянул на него как-то странно и ускорил шаг.

Какое-то время Севе с Власом Петровичем еще удавалось держать заданный им темп, но через пару километров они начали сдавать. Головин дышал все тяжелее и, кажется, начал прихрамывать на левую ногу. Сева еще держался, но и у него уже покалывало в боку. И только дядя Гриша казался двужильным. Трудно поверить, что всего неделю назад он был при смерти.

– Ладно, – первым не выдержал Влас Петрович, остановился, уперся ладонями в согнутые колени, часто и шумно задыхался. – Твоя взяла, Гриня! Сбавляй темп!

Дядя Гриша остановился, окинул их снисходительным взглядом, кивнул:

– Как скажете, товарищ командир.

Дальше шли уже не так быстро, но все равно споро. Открытые места им удалось пересечь еще потемну, но здесь, в лощине, следовало держать ухо востро. Особенно в лощине!

Сева все надеялся, что объявится Горыныч, но Темный пес, как они еще между собой называли это странное создание, так и не появлялся. Впрочем, за все время им вообще не попало на пути ни единой живой души. Ни живой, ни мертвой, как сказал Влас Петрович. Лишь один раз, еще в самом начале пути, дядя Гриша заставил их отойти подальше от дороги.

Минут через пять по дороге этой проехал грузовик с фрицами. А дальше никого – ни живого, ни мертвого.

Они остановились на самой границе парка напротив безголового фавна.

– На территорию не пойдем, – сказал дядя Гриша твердо и Влас Петрович с ним согласился.

У Сева мнения даже не спросили, но он не обиделся, помнил, кто охраняет периметр Гремучего ручья.

Чтобы обойти усадьбу и выйти к оврагам, пришлось сделать большой крюк. К тому времени солнце уже было высоко, но лучи его почти не прорывались сквозь окутывающую лощину туманную дымку. Дядя Гриша то и дело останавливался, прислушивался к чему-то. Сева тоже прислушивался, но не слышал ничего, кроме шума ветра в кронах деревьев.

– Долго еще? – спросил Влас Петрович шепотом. Похоже, и на него повлияла гнетущая атмосфера этого места. За всю дорогу он даже ни разу не закурил. Наверное, чтобы не выдать папиросным дымом их присутствие.

– Почти пришли, – сказал дядя Гриша и нырнул в тоннель, образованный ветвями старого орешника. – Скоро будем на месте. Не отставайте.

На том конце тоннеля было, кажется, еще темнее. Окружающие деревья тонули в тумане. А от тишины закладывало уши. А дядя Гриша уже ловко орудовал топориком, сначала срубая, потом освобождая от веток, а потом остро затачивая осинки.

– Как говорится, береженого и бог бережет, – сказал он, выдавая им с Власом Петровичем по осиновому колу. Усадьба близко, так что без лишней надобности лучше не палить. Если полезут упыри, придется с ними по старинке.

– А они полезут? – спросил Влас Петрович, взвешивая кол в руке.

– А я знаю? – Дядя Гриша беспечно пожал плечами, шагнул вперед и растворился в тумане.

Головин и Сева шагнули следом, но пройти им удалось немного.

– Стоим, – слышалось из тумана. – Еще два шага – и овраг. Думаю, это он и есть. Смотрите, не свалитесь. Шею тут свернуть – раз плюнуть.

Они сделали два осторожных шажка и оказались рядом с дядей Гришей на краю поросшего кустарником оврага. Дно оврага было скрыто в густом тумане.

– Глубоко тут? – деловито поинтересовался Влас Петрович.

– Не знаю. Но давайте я лучше сам.

– Вдвоем полезем! – В голосе Власа Петровича слышались одновременно решительные и злые нотки.

– Как скажешь, товарищ командир. Но учти, если ноги переломашь, мы тебя с Севой на своих горбах тащить не будем.

– Я тоже с вами, – быстро сказал Сева.

– Да как же мы без тебя? – буркнул дядя Гриша и начал спускаться.

* * *

В овраг спустились без приключений, ни ноги, ни шею никто не переломал. Лишь почти в самом конце Сева не удержался, кубарем скатился по склону. К чести мальчишки, катился молча, даже не пикнул. И когда уткнулся в то, что осталось от Клауса фон Клейста, тоже не пикнул, лишь тихонечко застонал, отползая от груды чего-то едва различимого в тумане.

Здесь, на дне, воняло падалью. Своим новым обостренным нюхом Григорий почуял это еще там, наверху. А теперь увидел и источник вонь – разлагающееся тело одного из псов фон Клейста. Но Сева и Влас смотрели не на пса. Сева и Влас смотрели на куски того, что когда-то, относительно недавно, было человеком. Ладно, не человеком!

Тетя Оля не обманула. Отто фон Клейст порубил любимого братца на куски, а потом куски эти сбросил в овраг. Вместе с мертвым псом. И если пес все еще разлагался, то от Клауса остались только рожки да ножки. Из вороха грязного тряпья торчали лишь неестественно белые кости.

– Это он? – спросил Сева, прикрывая нос рукавом.

– Он. – Григорий пнул носком сапога черепушку, и та покатилась, как мячик.

– А доказательства? – Влас внимательно осматривал то, что считал местом преступления. – Гриня, где доказательства, что это останки Клауса фон Клейста? По виду им уже несколько лет, а ты говорил, что случилось все меньше месяца назад.

– Доказательства? – Григорий пожал плечами, присел над черепушкой, поманил Власа пальцем: – Ну вот любуйся на свои доказательства.

Влас подошел, присел рядом.

– На что смотреть? – спросил мрачно.

– На пасть смотри, – сказал Григорий скучным голосом. – У них после смерти клыки остаются, уже не прячутся никуда. Видишь клыки, Влас Петрович?

– Вижу. – Влас тяжело вздохнул, взял черепушку Клауса в руки, поднес поближе к глазам. Рядом застонал от отвращения Сева. – Любопытное строение челюсти.

– А ты у нас анатом? – усмехнулся Григорий, хотя на самом деле ему было не до смеха. Если Клаус фон Клейст мертв, то вопрос остается открытым. Кто обращает людей в нежить?

– Бывал пару раз в анатомическом театре, – сказал Влас и двумя пальцами ухватился за клык, попытался то ли расшатать, то ли и вовсе вырвать. – По долгу службы, так сказать.

Он обернулся, очень внимательно посмотрел на Григория. В глазах его читался немой вопрос: «У тебя, Гриня, такие же?!» А Григорий и не знал, такие или не такие. Пару раз украдкой разглядывал себя в зеркале. Зубы как зубы! Белые, крепкие! Человеческие! Но ведь зайца он чем-то порвал... Задача.

Григорий провел языком по своим зубам, едва заметно пожал плечами. Влас кивнул, словно бы его такой ответ устроил. Хотя, ни хрена не устроил! Надо знать Власа Петровича Головина, чтобы понять, что этот, если уж вцепился, то не отстанет, пока не найдет ответы на все свои вопросы.

А дальше Влас Петрович очень удивил Григория. Он подбросил черепушку в воздух, ловко поймал ее налету, а потом сунул в свой вещмешок.

– Зачем, Влас Петрович? – снова простонал Сева.

– Доказательства, Всеволод. Доказательства, – сказал Головин мрачно.

Вот только никакие не доказательства, а охотничий трофей. Уж это-то Григорий знал наверняка. Конечно, с большей радостью Влас сунул бы в свой вещмешок башку Ирмы фон Клейст, но за неимением оной, сгодится и Клаус.

– А представь, что нас остановит патруль фрицев и во время обыска у тебя найдут вот эти... доказательства? – вежливо поинтересовался он.

– До сих пор ведь не остановили, – огрызнулся Влас, а потом сказал: – Ладно, давайте уже убираться отсюда поскорее, а то смердит так, что аж глаза слезятся.

Выбраться из оврага оказалось проще, чем спуститься. Григорий очутился наверху первый, помог подняться Севе и Власу. Тут, наверху, они и стали держать военный совет.

– Ну что, товарищ следователь? – спросил Григорий. Вежливо спросил, без всяких поддевок. – Что нам дальше делать? Как искать нашего душегуба?

– В усадьбу нам надо, – сказал Влас решительно.

– Надо! – горячо поддержал его Сева.

Подозрительно горячо. Что им там всем медом намазано в этой чертовой усадьбе?! Но глубоко в душе Григорий был согласен и с Власом, и с Севой. Корень всех их бед таился в усадьбе Гремучий ручей. Оставалось решить, как туда попасть. Григорий подозревал, что при-

дется по старинке, через потайную калитку. Если калитку после недавней вылазки ребят не заперли к чертовой матери. Но и это невеликая проблема. По крайней мере, не для него. С калиткой он разберется в два счета. Остается вопрос поважнее. Как они будут разбираться с фон Клейстом? Тут нужно подумать. Крепко подумать...

Не получилось подумать, словно кто-то легонько толкнул Григория в плечо. Зашумела, заволновалась лощина, предупреждая о приближающейся опасности.

– Ложись! – велел он и схватил Власа с Севой за загривки. Наверное, маленько перестарался, потому что не просто толкнул, а свалил с ног. – Тихо, – прошептал, глядя в злые глаза Власа. – Кто-то идет.

Просить дважды не пришлось. Сева доверял его феноменальной чуйке, а Влас острому слуху. Лежали все молча, не шевелясь. Еще бы и дышали потише. Григорий успел лишь мысленно порадоваться, что местечко для военного совета они выбрали укромное, в корнях старого, скособоченного дуба, спрятаться за которым мог бы еще пяток человек.

А шаги приближались. Почти неразличимые, крадущиеся шаги. Так мог бы двигаться зверь, вышедший на охоту. Или сам Григорий. Незнакомец был совсем близко, наверное, метрах в десяти. Он шел, не особо таясь, но ни одна ветка не хрустнула у него под ногой. Когда шаги начали затихать, Григорий осторожно высунулся из-за дерева, как раз вовремя, чтобы увидеть серую офицерскую шинель и коротко стриженный белобрысый затылок. Григорию даже не нужно было видеть лица, чтобы понять, что это тот самый эсэсовец, который пытал его в сарае и который до сих пор приходит в кошмарах к Лиде. Та самая белобрысая очкастая тварь!

Григорий нахмурился. Что-то не то творилось у него в последнее время с чувствами. Иногда казалось, что никаких чувств и не осталось вовсе, а иногда накатывало так, что аж челюсть сводило. В случае с Лидой это была горячая, щекотная волна, а вот сейчас накрыло ледяной. Как будто попал он из весны в лютую зиму, а из одежды на нем ничего, кроме ярости.

– Ждите здесь, я сейчас, – прошептал он едва слышно.

Сева уже было дернулся следом, но Влас предупреждающе положил руку ему на плечо, поверх его взъерошенной макушки посмотрел на Григория. Он кивнул в ответ, мол, так надо, товарищ командир.

Больше его никто останавливать не стал. Перед тем, как выйти из укрытия, Григорий разулся, приткнул сапоги между корнями. Подозревал, что и в сапогах смог бы ходить бесшумно, но рисковать не стал. Не время сейчас для риска, нужно узнать, какой черт принес этого гада в овраги.

Гада Григорий нагнал быстро. Собственно, и нагонять особо не пришлось, потому что мимо оврага тот не прошел, остановился, огляделся по сторонам и начал спускаться вниз. На плече его Григорий заметил армейский вещмешок, на манер того, что был у Власа. Вещмешок болтался тряпкой, значит был пуст.

Он спустился вслед за эсэсовцем в овраг. Сначала таился, дышать боялся, а потом отдался потоку, который все чаще и чаще подхватывал его на свои крылья, вел, подсказывал, как действовать. И получалось хорошо. Быстро, ловко, бесшумно. Точно так же, как ночью в госпитале. Без свидетелей отдаваться этому странному потоку было проще, не приходилось даже задумываться, что нужно сделать в следующую секунду. Или долю секунды. В потоке время как-то неестественно замедлялось. Григорий отчетливо видел мельчайшие детали, просчитывал траектории, практически предугадывал события. Вот и сейчас он уже знал, что увидит. Знал, но все равно удивился.

Эсэсовец методично и неспешно обыскивал дно оврага, находил и запихивал в рюкзак бранные останки Клауса фон Клейста и даже тряпье, которое некогда служило ему одеждой. Нашел все, кроме черепашки. И немудрено, черепашка теперь – охотничий трофей Власа.

Григорий был достаточно близко, чтобы видеть, как на лице эсэсовца появилась гримаса сначала раздражения, а потом едва ли не отчаяния. В досаде он сорвал с переносицы свои очки, раздавил каблуком сапога хрупкое стекло, словно это именно они мешали ему отыскать пропажу.

Григорий не спешил, наблюдал, присматривался. В подхватившем его потоке и мысли делались острыми, как бритва. Острыми, ясными, логичными. Наверное, если бы не поток, Григорий бы не удержался, подкрался бы к этому эсэсовскому выродку со спины, похлопал бы по плечу, заглянул в испуганные глаза, а потом свернул бы шею. Голыми руками свернул бы. Ему казалось, что этого хватило бы для того, чтобы Лиду перестали мучить кошмары. Ему хотелось так думать. А еще ему хотелось убивать. Голыми руками вершить правосудие. Если бы не поток, он бы так и сделал, но поток притуплял человеческие чувства и страсти, поток делал его отлаженным механизмом, который мог просчитывать будущее на несколько ходов вперед. Поток заставил его думать...

Никто, будучи в здравом уме, не станет подбирать истлевшие упыриныные кости. Влас не в счет, у Власа особенные обстоятельства. А у этого не обстоятельства, а четкий план. Или скорее не план, а задание. Кто мог дать такое задание этому спесивому и надменному офицеру? Только тот, кто выше его по званию. Только тот, кто знает, где и как встретил свою окончательную смерть Клаус. На ум приходило только одно имя. Отто фон Клейст! Старый упырь вернулся в усадьбу и сейчас уничтожает то, что Влас Головин назвал бы уликами. Это тогда, пару недель назад, он испугался и растерялся. Это тогда из-за своего страха начал допускать ошибки и оставлять улики. Но сейчас случилось нечто особенное, нечто такое, что вернуло Отто фон Клейста в Гремучую лощину, что заставило его уничтожить улики и, возможно, свидетелей своего преступления. Нет, не собственными руками! Для этого Отто фон Клейст слишком аристократ. Зачем марать руки, если можно переложить всю грязную работенку на кого-то другого, верного и послушного? Интересно, вот этот гаденыш служит фон Клейсту по зову сердца, или как те бедные девочки в усадьбе, под влиянием морока?

Григорий присмотрелся. Нет, слишком четкие, слишком уверенные и продуманные движения, слишком холодный взгляд по-рыбьи прозрачных глаз. Этот по доброй воле, так сказать, из любви к искусству. Именно из любви к искусству он пытал сначала Лиду, а потом и самого Григория. Ему нравилось причинять людям боль. А фон Клейсту нравились такие псы. Четвероногих он уже потерял, поэтому заводит себе двуногую свору. Григорий не сомневался, что конец этого эсэсовского гаденыша будет печальным, что фон Клейст перегрызет ему глотку ровно в том момент, когда перестанет видеть от него пользу. Но пока гаденыш вполне себе годится для деликатной, хоть и грязной работенки. Вот только что скажет Отто фон Клейст, когда гаденыш не принесет ему голову братца? Что он подумает?

Подумать можно только одно, подумать можно только на диких животных, которые оголодали за зиму и которым без разницы, была падаль человеком или упырем. Но гаденышу все равно страшно, до дрожи в поджилках.

Григория вдруг посетила любопытная догадка. Вероятнее всего, эсэсовец знает, кто такой фон Клейст на самом деле. Знает и поэтому боится возможного наказания. Садовник Гюнтер ведь знал. Знал и все равно служил семье верой и правдой до последнего своего вздоха. Этот не так прост, как Гюнтер, этому очевидно что-то пообещали. Что? Деньги? Власть? Нет, такого нужно брать за другое. Такому нравится убивать и мучить. Так чем же он отличается от упыря? А, считай, ничем! Значит, ему разрешили убивать и мучить. Бесконтрольно, ради собственного удовольствия. Он и раньше-то не особо себе отказывал, но имея за спиной такого хозяина, можно и вовсе не таиться.

Эх, а может все таки свернуть гаденышу башку?

Кто-то невидимый словно бы дал Григорию подзатыльник. Такой увесистый и отрезвляющий, что на мгновение его вышибло из потока. Всего на мгновение, но из-за этой внезап-

ности ему показалось, что с него снова заживо сдирают шкуру. Но сойти с ума от боли он не успел, поток снова накрыл его своими крыльями, вернул ясность, забрал боль. Все будет. Когда-нибудь он доберется до этого белобрысого затылка, возможно, даже вопьется зубами в шею, но не сейчас. Сейчас он должен понять, что происходит. Сейчас он должен наконец начать исполнять данные обещания, а для этого нужно проследить за эсэсовцем.

Мельком подумалось, что ему повезло, что с Севой остался Влас. Влас опытный и умный, он не станет метаться по ложине, а будет терпеливо дожидаться его возвращения. И Севу придержит. Севу непременно нужно придерживать. Он такой же горячий и нетерпеливый, как Митяй. Просто жизнь его еще не била.

Выбравшись из оврага, эсэсовец направился напрямик к усадьбе. Кто бы сомневался! Вот только вышел он не к центральным охраняемым воротам, а пошел по кругу, по всему виду, к потайной калитке. Идти за ним следом Григорий не стал, вместо этого забрался на высокое дерево. Так и обзор лучше, и надежнее.

Калитка оказалась заперта. Гаденыш порылся в карманах шинели, достал ключ, оглянулся и вставил ключ в замочную скважину. Калитка бесшумно открылась, пропуская его на территорию усадьбы. Да, по всему выходило, что немчик непростой, что относится к доверенному ближнему кругу. Простым не доверяют ключи от потайных калиток и деликатные задания. Эх, проскользнуть бы следом, проследить за гаденышем! Глядишь, и с фон Клейстом получится повидаться. Но нельзя. Сева с Власом ждут в ложине, а в городе остались Митяй с доктором. И день уже скоро начнет клониться к закату, значит, нужно спешить. Он и поспешил, бегом побежал под беспокойный шепот Гремучей лощины. Лощине тоже не нравилось происходящее, не нравились тревожащие ее покой люди и не-люди.

Влас и Сева ждали его на прежнем месте. Сева сидел, понурившись, а Влас стоял, прислонившись спиной к дубу. Наверное, Григорий поспешил или слишком поздно вынырнул из потока, потому что при его появлении Влас вздрогнул и дернулся за автоматом.

– Свои, – сказал Григорий шепотом и принялся обуваться.

– Не замерзли ножки-то, Гриня? – спросил Влас язвительно. – Чай, не май месяц на дворе.

– А ничего! Мы привычные, товарищ командир! – Григорий управился с сапогами, приотпнул ногой.

– Ну что там, дядя Гриша? – Сева смотрел на него с нетерпением.

– Давайте выбирать, по дороге расскажу.

Пару минут шли в полном молчании, а потом Сева не выдержал:

– Так что вы узнали? Зачем этот фриц спускался в овраг?

– Зачем? – Григорий бросил быстрый взгляд на Власа. – Так вот за тем, что товарищ командир с собой прихватил.

– За костями? – удивился Влас.

– За костями, за лохмотьями его. – Григорий кивнул. – Голову очень искал.

– С чего бы? – Влас задумчиво перевесил вещмешок с черепушкой на другое плечо.

– А кто ж его знает? Мне бы узнать, кто он вообще такой.

– Оберштурмфюрер СС Курт Вольф, – сказал Влас.

– Откуда ты знаешь?

– Откуда? Да потому что редкостный садист и ублюдок! Задержанных пытается лично. Нравится ему это, понимаешь?

Григорий понимал. Как же не понять, когда сам побывал в лапах у этого немецкого волка! Но за себя не обидно и не больно, а вот за Лиду...

– Разберемся, – буркнул Григорий себе под нос, а Влас посмотрел на него долгим взглядом и сказал очень серьезно:

– Ты уж разберись. Можешь даже по-своему...

* * *

Во сне было то жарко, то холодно. Во сне Митяй бродил по темному нежилому дому, переходил из одной гулкой комнаты в другую, искал. Что искал, и сам не знал. Понимал только исключительную важность своей задачи. И если бы не вот это скверное состояние, когда то душно, то озноб, уже, наверное, все бы давно нашел.

Здесь, в заброшенном доме, жили сквозняки и эхо. Эхо разговаривало множеством голосов: мужских, женский, детских. Некоторые из голосов казались Митяю знакомыми, но вспомнить, кому они принадлежат, он не мог. Дом тоже казался ему знакомым. Наверное, во сне всегда так. Как давно он не видел снов? Казалось, что целую вечность. Вся его жизнь делилась на белое и черное. С белым все было понятно, белое он хотя бы помнил, а вот что происходило с ним ночью...

В какофонию голосов вплелся один едва различимый, больше похожий на шепот. И сквозняк, кативший по каменному полу комки пыли, упал к его ногам, словно испугался. Или просто не хотел мешать?

Митяй замер, вытянулся по струнке. Он вслушивался в эхо голосов и вглядывался в теряющуюся вдали анфиладу комнат. В этом удивительном сне он знал, что такое анфилада. Подумать только!

Ждать пришлось долго. Все голоса давно стихли, и терпение почти закончилось, но он все еще ждал. Даже сквозняк устал послушно лежать у его ног и снова принялся гонять по полу пыль. Вот тогда-то Митяй и увидел следы. Это была цепочка едва различимых в пыли следов босых ног. То ли детских, то ли девчоночьих. Да и не важно! Важно, что теперь он знает, куда идти и где искать.

Его путь казался бесконечным, а комнаты бесчисленными. Сначала Митяй пытался считать и запоминать, но очень скоро сбился со счета. Теперь он смотрел только себе под ноги. Иногда следы делались отчетливее, иногда исчезали, и тогда Митяя накрывала холодная волна ужаса от того, что он может не справиться, не найти и не успеть...

А дом все-таки менялся. Комнаты делались все меньше и меньше, пока не превратились в узкий больничный коридор. Следы оборвались перед облупившейся, выкрашенной в белый цвет дверью с надписью «Операционная». Из-под двери пробивался электрический свет, слышались мужские голоса. Митяй положил ладонь на дверную ручку, замер, собираясь с духом. Одно дело – бродить в компании со сквозняком по пустому дому и совсем другое – открыть вот эту дверь.

Он уже почти сдался, убрал руку, а потом, в самый последний момент решился и толкнул дверь плечом. Там, на той стороне, было ярко. Так ярко, что на мгновение пришлось зажмуриться. Там, на той стороне, происходило что-то странное. Или страшное...

Два врача, низенький и высокий, склонились над ярко освещенным хирургическим столом. Резко пахло спиртом и чем-то еще... необычным и тревожным. С неприятным звоном падали в металлический лоток окровавленные инструменты. На столе лежало укрытое серой больничной простыней тело. Снова захотелось уйти, выбежать в больничный коридор, промчаться по анфиладе одинаковых пыльных комнат и вырваться наконец из сна в реальность.

Вот за сон Митяй и уцепился. Если это сон, то в нем только он всему хозяин. И бояться в собственном сне он ничего не должен. Ведь глупо же! Бояться не должен, а осмотреться как следует нужно. И двигаться здесь он может бесшумно, и быть незаметным для остальных. Почему? Да потому, что это его сон и он так хочет! Митяй сделал глубокий вдох и переступил порог операционной.

Первым обернулся высокий, как по пустому месту мазнул по Митяю невидящим взглядом и тут же вернулся к прерванному занятию. Он был неприятный, и этой своей болезненной

худобой, и тяжелым взглядом глубоко запавших глаз. А еще чувствовалось, что за операционным столом он главный, что это его приказания четко и неукоснительно исполняет другой, невысокий.

Митяй сделал несколько нерешительных шагов, обошел хирургов, встал за спиной невысокого, заглянул ему через плечо. Он заглянул, а врач оглянулся, каким-то суетливым, неловким движением поправил сползающие с переносицы запотевшие очки, посмотрел на Митяя в упор. Это был старик. Даже закрывающая почти все лицо маска не могла скрыть его преклонный возраст. Как такого вообще можно подпускать к операционному столу?! К вот этой вот девчонке...

Это была не девчонка! На операционном столе лежала Танюшка, смертельно бледная, с обритой наголо головой. А они, эти двое, что-то делали с ней... копались у нее в голове!

– Руки! Руки от нее убрал!!! – заорал Митяй и попытался оттолкнуть долговязого от операционного стола.

Не получилось. Его сон, но правила, оказывается, не его. Да, его не видели, но и сам он никак не мог помешать тому, что творилось сейчас в операционной. Его сил хватило лишь на то, чтобы замигала лампа.

– Снова проблемы с электричеством... – Старик посмотрел на потолок.

– Не отвлекайтесь, господин Смирнов, – сказал долговязый по-немецки. Голос его был низкий, но все равно скрипучий, как плохо смазанное колесо. В голосе его слышалось раздражение пополам со страхом. А в руке у него был инструмент... словно маленький коловорот, с каким батя ходил на зимнюю рыбалку. Тем коловоротом они делали во льду лунки, а этим?..

Во сне тоже может быть жутко, во сне тоже можно выть от бессилия. Даже если это твой сон. Особенно, если это твой сон!

Митяй и выл. С каждым оборотом этого чертова коловорота его вой делался все громче, все отчаяннее. А потом Таня открыла глаза...

Сначала взгляд ее был бессмысленный. И глаза из синих сделались черными, неживыми. Она смотрела на своих мучителей, а они были так увлечены работой, что не видели, не догадывались, что режут по живому...

Ей нужно закричать! Пусть они не слышат его, но она-то здесь, на вот этот проклятом столе! Если она закричит...

Она не закричала, она вперила свой черный взгляд в Митяя, и его вдруг закружило, поволокло куда-то в темный туннель, на дно Танюшкиных зрачков. О стены этого туннеля билось Танюшкино отчаяние и Танюшкина боль.

– Больно! – Кричала она голосом Митяя. – Мне нужно проснуться! Выпустите! Выпустите меня отсюда!!!

А чертов коловорот все вращался и вращался. И Митяй вращался вместе с ним. И Танюшка, кажется, тоже...

Все остановил голос. Один из тех, которые подкидывало эхо. Одновременно забытый и хорошо знакомый.

– Митяй, не кричи! Сейчас все сделаем, все поправим. Хочешь проснуться – просыпайся! Все будет хорошо...

Голос узнала Танюшка, дернулась ему навстречу, и Митяй дернулся следом, широко распахнул глаза, чтобы видеть самому, и чтобы видела она.

– Сева? – спросили они разом. – Сева, это ты? Сева, где ты?! Разбудите меня! Пожалуйста, разбудите!!!

– Таня?..

На мгновение, всего на долю секунды черный тоннель потерял свою пугающую реальность, и они с Танюшкой увидели лицо. Бледное, встревоженное, с взъерошенными светлыми волосами. Митяй вспомнил. А как только вспомнил, сон закончился. Так ему сначала показало-

лось. Потому что исчезла операционная и эти сволочи, потому что Танюшка больше не кричала у него в голове, не просила ее разбудить. Вот только сон не закончился, просто Митяя вышвырнуло через анфиладу бесконечных комнат в тот самый пыльный и гулкий холл, с которого все началось. Сон во сне – вот что это было...

Здесь, в этой части сна, было жарко. Так жарко, что Митяй принялся стаскивать с себя одежду, а потом и вовсе лег на пол, уткнулся лбом в холодную каменную плиту, затаился. Эта часть сна была безопасной. Он не боялся сквозняков и эха, но он боялся собственных воспоминаний о том, что увидел в том другом своем сне. Он боялся, что на самом деле сон может оказаться явью... А еще он хотел наконец проснуться. По-настоящему, как самый обычный человек. Чтобы больше не метаться по лабиринтам собственных снов, чтобы все было просто и обычно.

– Хочешь проснуться – просыпайся! – послышался над головой знакомый голос. – Все будет хорошо!

Наверное, он поверил этому обещанию. Никогда никому не верил, а тут как-то само собой получилось. И проснуться получилось. Хоть и не сразу. Сначала пришлось ползти по грязному каменному полу к высокой двери, тянуться к массивной дверной ручке, вставать на трясущиеся, подкашивающиеся от слабости ноги, наваливаться всем весом, толкать.

Он выпал в реальность с громким криком и громким грохотом. Дверь поддалась слишком внезапно, и он не устоял на ногах, покатился по полу. Это был другой пол, не каменный, а обычный, дощатый, тщательно подметенный, теплый. Митяй лежал на нем, прижавшись щекой к шершавой доске и думал, что мог бы пролежать так всю жизнь, так хорошо ему было. Но не позволили. Пол завибрировал от тяжелых и быстрых шагов. Кто-то подхватил Митяя под мышки, поволок. Он не сопротивлялся, на сопротивление просто не осталось сил. Силы были лишь на то, чтобы открыть глаза.

Над ним склонились трое: батя, Сева и Головин. Всматривались, тормозили.

– Митяй, ты как? – спросил батя. – Ты очнулся, сынок?

– Митька, ты нас узнаешь? – А это Сева. Кто еще может задать такой идиотский вопрос?

– Парень, говорить можешь? – Ну а это товарищ Головин. Этот если и ведет допрос, то всегда по делу.

– Я нормально, вас узнаю, говорить могу. – Ответил он всем сразу и не узнал собственный по-стариковски сиплый голос. А потом еще и кашель накатиł такой, что казалось, не будет ему ни конца, ни краю.

Митяй кашлял, а эти трое терпеливо ждали. Разве что не дали полежать, а усадили на каком-то неудобном диване.

– Доктор где? – то и дело спрашивал батя.

– Вышел воздухом подышать, – отвечал Головин, а потом добавлял: – Ну и за информацией. Может уже слухи какие-то дошли...

А Сева молчал, ничего не спрашивал, но далеко не отходил. Митяй все время видел носки его грязных сапог.

Наконец кашель отступил и стало почти хорошо.

– Ну что? – спросил батя. – Полегчало?

Чтобы не отвечать, Митяй кивнул.

– Есть хочешь? – А это Головин. Как всегда, по существу.

– Пить хочу, – просипел Митяй и откинулся на подушку.

Пока Сева бегал за водой, он таращился в потолок и прислушивался к своему организму. Организм, кажется, передумал умирать. Интересно, где он и сколько провалялся в отключке?

– Ты в городе, в надежном месте, – сказал батя, забирая у Севы кружку с водой и поднося Митяю.

Митяй кружку отобрал. Чай, не маленький, как-нибудь справится! Справился едва-едва. Руки дрожали так, что часть воды расплескалась, но напиться ему все равно удалось.

– Давно? – И голос сипеть стал меньше.

– Около суток.

– Всего-то?

– К хорошему врачу попал в руки, – усмехнулся Головин.

– И лекарство получил правильное, – добавил батя, а потом сказал очень серьезно: – Благодарю, Митяй, Власа Петровича за спасение. Из него половину кровушки выкачали, чтобы тебе перелить.

– Так уж и половину, – отмахнулся Головин.

– От вас мне?

– Представляешь? Небось, тебе теперь курить хочется до зарезу? – Головин улыбнулся. Кажется, Митяй впервые увидел его улыбку.

– Спасибо, товарищ командир.

Ему бы тоже улыбнуться, но все силы ушли на это «спасибо». Впрочем, Головин не обиделся, молча кивнул в ответ. Теперь, когда с выяснением обстановки и благодарностями было покончено, Митяй перевел взгляд на Севу.

– Ты ее видел? – спросил Сева шепотом.

– А ты нас слышал? – так же шепотом спросил Митяй.

Сева кивнул, вытер выступившую на лбу испарину.

– Она в усадьбе? – Сева сделал шаг к дивану, навис над Митяем.

– Я не знаю, где ее... тело. – Слова дались тяжело, но здесь все свои, здесь можно не таиться. Почти не таиться. – Сева, мне кажется, она попала в беду. В очень большую беду...

А перед глазами уже крутился проклятый окровавленный коловорот.

– Что с ней?! – Когда дело касалось Танюшки, Сева терял самообладание. – Она... ранена?

Митяй чуть было не ляпнул, что она скорее всего мертва, но вовремя прикусил язык. Если Танюшка пробилась в его сон, значит, пока жива. Наверное, очень слаба, но все равно еще борется, цепляется за жизнь. Точно так же, как цеплялся за жизнь он сам в застенках фон Клейста.

– О чем вы, парни? – спросил Головин и как-то странно посмотрел на батю. Словно именно батя мог рассказать ему, что происходит.

– Где ты ее видел, сынок? – спросил батя. Голос его был ровный, почти равнодушный, как будто речь шла о самой обычной встрече.

– Во сне. Или в бреду. Это уж как вам будет удобнее, – сказал Митяй с вызовом.

– Расскажи! – попросил Сева. Этот поверил сразу и безоговорочно. В отличие от Головина. Да и плевать на Головина, не он его лучший друг.

Митяй рассказал. Рассказал почти все, без ненужных подробностей про сквозняк и эхо. Запнулся лишь, когда дело дошло до чертова коловорота... Выдержит ли Сева? Танюшка выдержала, значит, и он должен!

Сева выдержал. Разве только смертельно побелел. Головин незаметно встал за его спиной. Наверное, заранее готовился к тому, что Сева попытается совершить какую-нибудь дурость. Но Сева сдержался. Бесконечно долгие мгновения он просто молчал, а потом спросил:

– Она жива?

– Она была жива, когда я ее видел. Только со временем я могу ошибиться... Это как воспоминания, понимаешь? Это ее воспоминания в моей голове.

– Почему именно в твоей? – тут же спросил Головин.

– Из-за фон Клейста, – ответил за него батя. – Я думаю, девочка тоже у этого упыря. И он проводит над ней какие-то эксперименты... – Батин голос дрогнул.

– Там не было фон Клейста. – Митяй устало прикрыл глаза. – Там были только эти гады. Высокий фриц, и еще старик. И они копались у нее в голове!

Не получилось сохранить спокойствие. У Сева как-то получилось, а вот он сорвался на крик. Наверное потому, что Сева не видел того, что видел он. Только поэтому.

– Тихо-тихо, сынок... – Батя положил ладонь ему на лоб, как будто он был маленьким мальчиком. Но полегчало. Вот как-то сразу полегчало. – Если Танюшка жива, мы ее непременно найдем.

– Она жива! – Вот и Сева не выдержал. – Не смейте даже думать, что они ее... убили!

– Не буду, – сказал батя успокаивающе.

– А я одного не могу понять, – вмешался Головин. Этого ничто не волновало и не трогало, этому просто хотелось разобраться с задачей. – Вы говорите, что вашу девочку похитил фон Клейст, но Митяй в своем... сие фон Клейста не видел. Ты же его не видел, парень?

– Нет. – Митяй скрежетнул зубами. Головин его раздражал. Головин не понимал ровным счетом ничего из того, что творилось. Не дано ему понять такие вещи. – Я не видел фон Клейста.

– И не чувствовал? – Он бросил многозначительный взгляд на батю. – Твой отец говорит, что у вас с этим кровососом установилась некая... связь.

Ого... А ему многое рассказали! С чего это такое доверие товарищу командиру, человеку, который не верит ни в бога, ни в дьявола?

Батя кивнул, подтверждая догадку. Да, рассказали, доверие заслужил. Уж не тем ли, что поделился с Митяем кровью? Мог и не делиться, никто его об этом не просил.

– Так что насчет связи? – не отставал Головин. – Ты чувствовал ее там, во сне?

– Нет.

Митяй начал догадываться, к чему он клонит. К тому, что это всего лишь горяченный бред, которому не нужно предавать внимания. Но только это не бред! Все это было на самом деле! Может не только что, может несколько дней или недель назад, но было! И с этим нужно что-то делать.

Ответить Митяй ничего не успел. Батя вдруг нахмурился, крадущейся походкой вышел из комнаты, остальные затаились, потянулись за оружием. Через несколько мгновений хлопнула входная дверь.

– Тимофей Иванович пришел, – сказал Головин и опустил оружие.

– Это кто? – спросил Митяй.

– Это тот, кто спас тебе жизнь.

Вернулся батя с каким-то невысоким человечком, которого из-за батиной спины было не разглядеть.

– Очнулся, Тимофей Иванович. Очнулся и сразу попросил пить. Это же хороший признак, да?

– Сейчас глянем, какой это признак, – ответил человечек голосом, от которого у Митяя волосы на загривке встали дыбом...

* * *

Никто не ожидал от пацана такого финта! И резвости, и силы, если уж на то пошло. Как только Гриня с Тимофеем Ивановичем вошли в комнату, Митяй затаился. Глаза его сделались огромными и круглыми, как у кота, готового к атаке. Он и бросился в атаку. Вот с этой кошачьей стремительностью и бросился. Прямо на доктора.

А они растерялись. Даже Гриня с его новыми упыринными способностями. В себя пришли, лишь когда Тимофей Иванович уже лежал на полу, а ни с того ни с сего ошалевший пацан сидел на нем верхом. В какое-то мгновение Власу подумалось, что пацан перекинулся в упыря.

Таким диким, таким яростным было у него лицо. Он даже потянулся за пистолетом. Не дотянулся... Пистолет вдруг оказался на полу в дальнем углу комнаты, а между Власом и пацаном встал Гриня. У этого лицо было тоже... страшное. Ни единый мускул не дрогнул, только лишь верхняя губа слегка дернулась. Клыков Влас не разглядел, хватило красных сполохов в глазах.

– Сам... – прохрипел Гриня и кинулся стаскивать пацана с хрипящего Тимофея Ивановича.

Пацан сопротивлялся, рычал и отбивался, как дикий зверь. Но где ему было справиться с Гриней? Гриня оторвал его от доктора одной рукой. Да так, на вытянутой руке, и удерживал. Как щенка.

А Влас бросился к Тимофею Ивановичу, помог старику встать, усадил в кресло, велел растерявшемуся Севе бежать за водой. У доктора было слабое сердце, еще в тридцать девятом он перенес инфаркт. И если сейчас по вине этого мелкого паскудника с ним что-нибудь случится, Власа не остановит даже Гриня.

Но, кажется, обошлось. Доктор отдышался, хлебнул воды и с изумлением, но без злости посмотрел на пытающегося вырваться из отцовской хватки Митяя.

– Снова приступ? – Он перевел взгляд на Севу. Сева растерянно пожал плечами, спросил:

– Митяй, ты чего?!

– Я чего?! – заорал Митяй. – Ты меня спрашиваешь, чего я?! Ты его, гада этого, спроси, чего он?!

– О чем ты, сынок? – Гриня легонько, но все равно ощутимо тряхнул пацана за шкурки. – Что с тобой вообще творится? Это Тимофей Иванович. Он тебе, между прочим, жизнь спас.

– Мне спас, – прохрипел Митяй, обмякая. – Мне спас, а Танюшке голову... – Он вдруг окончательно поник, всхлипнул.

– Что?! – Тут же вскинулся Сева.

– Это он был в той операционной! – Кричать у Митяя больше не было сил, но глаза горели лютой яростью. – Они вдвоем с тем фрицем копались у нее в голове...

Тимофей Иванович осторожно поставил чашку с водой на стол, попытался было встать, но без сил опустился обратно в кресло.

– Что он такое говорит, Влас Петрович? – В голосе у него было изумление. Вполне искреннее изумление, но все же, но все же... Во взгляде доктора мелькнуло что-то такое... едва уловимое.

– Выясним, – сказал Влас мрачно. – Вот прямо сейчас и выясним, – добавил еще более мрачно. – Скажите, Тимофей Иванович, знакома ли вам персона, которую я сейчас опишу? Немецкий врач, высокий, худой. – Он бросил быстрый взгляд на Митяя. – Очень худой.

– Да что вы его расспрашиваете?! – Тут же взвился пацан. – Думаете, этот гад вам правду скажет?

– Знакома, – сказал вдруг Тимофей Иванович. – Очень даже знакома описываемая вами персона, Влас Петрович!

– И кто же это такой? – спросил Влас.

– Рихард Штольц. – Доктор даже не раздумывал. – Он один полностью подходит под описанный вами портрет.

– Кто это?! – Дернулся притихший было Митяй. – Кто он такой?!

– Молодой человек не знает, он был в беспамятстве. – Тимофей Иванович снял с переносицы очки, старательно протер стекла уголком скатерти и водрузил очки на место. – Рихард Штольц – начальник госпиталя. Я вам рассказывал. – Он глянул на Власа, призывая его в свидетели.

Влас молча кивнул. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

– То есть, вы не скрываете, что знакомы с Рихардом Штольцем? – уточнил он уже очевидный факт.

– Разумеется, не скрываю! – Старик раздраженно пожал плечами. – Я ведь сам вам о нем рассказал.

– У-у-у, гад! – взвыл Митяй и, если бы не Гриня, снова бросился бы на доктора.

– Скажите, Тимофей Иванович, а доводилось ли вам оперировать вместе со Штольцем?

– Оперировать?! – В голосе доктора было такое неподдельное изумление, что заподозрить его в обмане никак не получалось. – Нет, что вы, Влас Петрович! Я слышал, что Штольц отличный хирург и даже в некотором смысле ученый муж. Да, к сожалению, и светлые умы могут служить не добру, а злу. Но чтобы вместе оперировать...

– Врет! Он все врёт! – снова заорал Митяй, и Власу захотелось отвесить ему подзатыльник. Пока он верил больше доктору, чем бредням пацана.

– Глупости, молодой человек! – Тимофей Иванович выпрямил спину. – Мне уже много лет, но я пока не страдаю деменцией. Я никогда не оперировал вместе с Рихардом Штольцем, хотя, возможно, это был бы очень хороший опыт. Штольц злой гений медицины, я читал несколько его научных статей. Занимательно...

– То есть, если бы вас пригласили ассистировать Штольцу, то вы бы не отказались? – осторожно поинтересовался Влас.

– Я врач!_ – В волнении Тимофей Иванович снова сдернул очки, попытался встать на ноги, но беспомощно рухнул на место. – Я давал клятву! Если бы кому-то понадобилась моя помощь, я бы ее оказал.

– Даже Гитлеру?! – Вскинулся Сева. Ох, уж эти горячие головы...

– Ему – нет, – сказал старик после небольших колебаний.

– А остальным фрицам, значит, пожалуйста?! – Сева не унимался и теперь подзатыльник захотелось отвесить уже ему.

– А если бы пришлось оперировать кого-то из гражданских? – спросил Влас. – Вы бы согласились?

– Разумеется! Да вы поймите, Влас Петрович, я ж к Штольцу не просто так на поклон тогда ходил, я же не за себя, а вот за них, за простых людей просил! Не понимаю, что происходит! Вы хотите меня в чем-то обвинить?

– Я просто пытаюсь разобраться. – Курить захотелось невыносимо, но сначала нужно решить эту шараду.

– Ну, разбирайтесь! – старик с вызовом скрестил руки на груди.

– Вы бы могли сделать операцию, – Влас замялся, – скажем, на головном мозге?

– Что вы! – Тимофей Иванович рассмеялся. – Штольц бы смог, но у меня нет таких навыков!

– А если не оперировать, а лишь ассистировать?

– Если ассистировать, то пожалуй. Позвольте, а о какой именно операции идет речь?

Держался старик уверенно, на вопросы отвечал четко и по существу. Не видел Влас никакого подвоха. А на вранье он собаку съел. Работа у него такая – различать, где брехня, а где правда. Доктор не врал. Но стоило уточнить самое последнее, самое нелепое...

– Тимофей Иванович, а что это за инструмент такой, наподобие того, которым рыбаки зимой сверлят лунки во льду? Ну, навряд ли коловорота. – спросил Влас и многозначительно посмотрел на Гриню. Мол, держи крепче своего пацана.

– Так коловорот и есть, – сказал доктор чуть удивленно, но совсем без запинки. – Коловорот для трепанации черепа.

Посерел лицом Сева, взвыл и забился в объятьях Грини Митяй.

– Для трепанации... – задумчиво повторил Влас. Сам-то он знал, что означает это слово. Доводилось видеть. – Это сложно?

– Трепанация? – Доктор на секунду задумался, а потом покачал головой. – Сама по себе манипуляция несложная. Важно другое – с какой целью ее делают.

– А с какой целью ее делают?

Митяй продолжал бесноваться и Гриня молча поволол его в сени. По пути он прихватил за рукав и Севу.

– Со мной парни! – сказал с мрачной решимостью.

Их противостояние длилось недолго, хлопнула входная дверь, скрежетнул засов и стало наконец тихо. В тишине этой шаги возвращающегося в комнату Грини звучали набатным звоном.

– Так что там с этой... трепанацией? – спросил он вежливо и наклонился над доктором, а ладони положил на подлокотники кресла таким образом, что, если бы Тимофею Ивановичу вздумалось бежать, у него ничего бы не вышло. – Зачем ее делают?

– Вы так и будете стоять крючком? – не без ехидства поинтересовался у Грини врач.

– За меня не беспокойтесь, мне по-всякому удобно, а так просто лучше слышно.

И лучше слышно, и лучше видно. Это Влас понял сразу, как только глянул на Гринино лицо. Вроде, и не изменилось ничего в его лице, а только по хребту побежал холодок. И от немигающего взгляда, и от вкрадчивого голоса.

– Вы рассказывали нам о трепанации, Тимофей Иванович, – сказал Гриня мягко.

– Рассказывал. – Доктор улыбался ему, как родному. Нет, как уважаемому коллеге, может, даже мировому светилу. – Банальнейшая манипуляция, если все делать правильно.

– А как все происходило в тот раз? Какая тогда была манипуляция?

Холодок уже не гулял по хребту, а сковал его ледяной броней. Влас понял, что для допроса доктора Гриня использует что-то свое... упыриное.

Краем глаза он уловил какое-то движение, обернулся. Сева и Митяй таращились на него из-за окошка. Пришлось задернуть занавески.

– Вы про ту бедную девочку, уважаемый? – спросил Тимофей Иванович.

– Да, я про девочку. Как ее звали?

– Не знаю. Мне ее не представили. Да и, сказать по правде, мне тогда было не до того. Вопрос жизни и смерти. Счет шел на минуты. Он приехал за мной поздним вечером, велел собираться.

– Кто?

– Штольц. Ему нужен был ассистент, а его врач слег с аппендицитом. Оставался я. – Доктор развел руками. – Я предупредил его, что ассистент из меня может оказаться никудышным, а он сказал, что я должен очень постараться, потому что в случае гибели пациентки, меня тоже убьют.

Тимофей Иванович говорил ровным, лишенным страха и прочих эмоций голосом, а склонившийся над ним Гриня молча кивал в такт его словам.

– Что там случилось? – спросил Влас и тут же испугался, что его голос мог нарушить их невидимую связь. Не разрушил, доктор просто не обратил на него никакого внимания.

– Что случилось с девочкой? – спросил Гриня.

– Автомобильная авария, как мне объяснили. Резкое торможение, удар головой и, как следствие, субдуральная гематома.

– Это как? – спросил Гриня шепотом.

– Это когда кровь изливается из поврежденного сосуда, скапливается между мозговыми оболочками и сдавливает мозг.

– К чему это может привести? – снова не выдержал Влас.

На сей раз доктор ответил. Отвечал ему, но смотрел только на Гриню.

– Без трепанации черепа велика вероятность смерти. Поэтому Штольц так спешил, боялся опоздать.

– У вас получилось, доктор? – спросил Гриня осипшим от волнения голосом. – Вы спасли ту... девочку.

– Получилось. Несмотря на то, что ходу операции все время что-то мешало. То электричество гасло, что пациентка просыпалась прямо посреди операции... И еще это странное чувство... словно бы за нами кто-то наблюдает.

Влас с Гриней переглянулись. Получалось, что Митяй не врал. В отличие от Тимофея Ивановича, который сознался только под... ну почти под пытками.

– Что было дальше? Куда подевалась эта девочка? – спросил Гриня.

– Куда подевалась? – Доктор беспомощно заморгал, снова принялся протирать стекла очков. – Я не знаю, уважаемые. У меня вообще такое чувство, что я все...

– Что вы все забыли. – Гриня не спрашивал, Гриня утверждал. Теперь уже Тимофей Иванович кивал в такт каждому его слову.

– Да, я все забыл. И если бы не ваши настойчивые расспросы, наверное, никогда бы и не вспомнил. Что же это такое, господа?! Какая-то разновидность суггестии?

– Не понимаю, о чем вы. – Гриня покачал головой.

– Гипноз. Я о гипнотическом внушении. Такое чувство, что меня заставили забыть.

– Штольц?

Нет. – Старик покачал головой, поморщился, словно от боли.

– А кто тогда? – спросил Влас, уже заранее зная ответ.

– Немецкий офицер. Я не помню его имя... Нет, помню! – Тимофей Иванович дернулся вперед и, если бы не отменная реакция, Гриня бы уже лежал на полу, сбитый с ног его порывистым движением. Но Гриня был упырем, а потому устоял на ногах. – Отто фон Клейст! Это был Отто фон Клейст...

Теперь они стояли друг напротив друга, и старик раскачивался из стороны в сторону, как загипнотизированная флейтой факира кобра. В который раз Влас порадовался, что задернул занавески.

– Что стало с девочкой? – спросил Гриня. – Ее оставили в больнице?

– Не знаю. Я в самом деле ничего больше не знаю. Думаю, на пару дней, до окончательной стабилизации ее состояния. Меня не посвящали... Так странно... Я все забыл.

– Ну вот, теперь вы вспомнили, уважаемый. – Гриня тронул старика за плечо и улыбнулся теплой сыновней улыбкой. Улыбки у Грини всегда получались хорошо, еще в те времена, когда он был человеком. – Вы оперировали нашу девочку. – На слове «наша» он сделала ударение. – Спасибо, доктор, что спасли ей жизнь. Теперь я ваш должник.

Подумалось вдруг, а каково это – иметь в должниках упыря? Благо это или зло?

А Гриня уже почтительно проводил Тимофея Ивановича к креслу, помог усесться, приладил очки на нос и снова улыбнулся.

– Вы уже сделали все, о чем я и мечтать не смел. – Доктор тоже улыбнулся. – Медикаменты в наше время на вес золота. А теперь позовите своего сына, пожалуйста. Я бы хотел его осмотреть.

Прежде, чем впустить в дом пацанов, Гриня вышел во двор сам и, наверное, провел с ними разъяснительную беседу, потому что в комнату пацаны вернулись притихшие и покладистые. Митяй даже позволил Тимофею Ивановичу себя осмотреть. По всему видать, осмотр доктора удовлетворил.

– Молодой организм, – сказал он с нотками легкой зависти в голосе, а потом, словно бы вспомнив что-то важное, добавил: – А в городе неспокойно. Боюсь, из-за вашей вылазки в больницу. Мне кажется, будет лучше, если вы уйдете.

Он говорил ровным голосом, чувствовалось, что боится он не за себя, а за них. Боится и понимает, что тут уже не до политесов.

– Мы уйдем, – сказал Влас. – Вот прямо сейчас и уйдем. – Он посмотрел на Митяя, спросил: – Идти сможешь?

Тот молча кивнул. Он и выглядел уже значительно лучше.

– Лекарства я вам с собой дам, расскажу, как пользоваться. Курс лечения ни в коем случае нельзя прерывать. Вы меня понимаете?

Они все разом закивали. По лицам парней было видно, что они уже рвутся в бой. Или скорее на поиски этой своей Танюшки.

* * *

Уходили по темноте. С некоторых пор Григорий начал любить темноту. Не так жарко, не так ярко. А главное – шкура не зудит.

Митяй шел хоть и медленно, но сам. Сева держался рядом, то и дело поглядывал на Митяя. Григорий его понимал, парню хочется подробностей, как можно больше хочется узнать про Танюшку. Особенно сейчас, когда стало ясно, что девочка жива. Когда доктор подтвердил, что ее не пытали в той операционной, а наоборот спасали. Путь по приказу фон Клейста, но ведь спасали!

А Григорий думал о другом. И даже не о том, из-за чего упырина оставил девочку в живых. Он думал о том, что может сделать с Танюшкой фон Клейст ради этих своих экспериментов. А в том, что эксперименты будут, он даже не сомневался, шкурой чуял. Уж не потому ли, что под шкурой этой теперь текла и удивительная кровь мертворожденных. Эх, разбираться с этим всем еще и разбираться! Изучать самого себя как великую диковину! Но это уже потом, когда разберется с врагами. Со всеми своими врагами...

И еще одно плохо: нет у них никакого плана. Идут они, считай, куда глаза глядят. Упырь, бывший следователь и два несмышленных пацана. Хорош отряд, ничего не скажешь. Пацаны, ясное дело, рвутся в Гремучий ручей. Да только Григорий их туда ни за что не отпустит. Хватит с него самостоятельности! Без плана в усадьбу соваться нельзя.

И без информации. Влас тогда правильный вопрос задал. Откуда взялось столько упырей? Ирминих они уже давным-давно перебили. Фон Клейст всегда был осторожен. Башка Клауса у Власа в вещмешке. Кто тогда?

В животе заурчало, но есть пока не хотелось. Ни обычной еды, ни... упыриной. Интересно, надолго ли его хватит? И что потом, когда голод припрет к стенке? Конечно, можно охотиться на фрицев. Этих жалко ровно так же, как и зайцев. Пожалуй, зайцев даже жалче. А когда закончится война? Что с ним станет?

Григорий усмехнулся. До конца войны еще нужно дожить. Он конечно фартовый, вот только фарт у него какой-то странный в последнее время. Нечеловеческий какой-то фарт...

Лай собак он слышал раньше остальных. Сначала лай, а потом и немецкую речь. Патрули! Прав был Тимофей Иванович, за убийство своего фрицы будут мстить. В городе их много, если захотят, перекроют все ходы и выходы. Может быть, уже перекрыли.

– Плохо дело. – Похоже, Влас думал о том же. – Если поднимется шум, нам не уйти.

Он многозначительно посмотрел на Митяя. Тот брел, едва переставляя ноги. Эх, переоценили они и его, и свои силы...

А голоса и собачий лай приближались. Вскоре тревожную тишину вспорола автоматная очередь. Да уж, плохо дело. Один бы Григорий ушел. И вдвоем с Власом они бы ушли. Возможно, даже с Севой. Но Митяй сейчас не боец, хоть и тянется за автоматом.

– Не вздумай, – процедил сквозь стиснутые зубы Влас.

Немецкая речь уже слышалась с другой стороны. По крайней мере, Григорий ее уже слышал.

– Окружают, товарищ командир, – сказал он спокойно и сам удивился этому своему спокойствию.

– Что будем делать? – Сева тоже нетерпеливо оглаживал приклад автомата.

– И ты не вздумай, – зыркнул на него Влас. Он, как и сам Григорий, выглядел спокойным и сосредоточенным. – Шум нам сейчас ни к чему.

– Я могу попробовать без шума, – сказал Григорий так, что расслышал его только Влас.

– Давай это в крайнем случае, а? – так же шепотом ответил он.

Григорию думалось, что крайний случай как раз и наступил, но Влас не оставил ему шанса высказаться, он уже тянул его за рукав в ближайшую подворотню.

– Парни, за мной! – велел замешкавшимся пацанам. – Времени у нас осталось пару минут.

Никого не пришлось просить дважды. Григорий с Севой молча подхватили Митяя под руки, поволокли вслед за Власом. Теперь они уже не шли, а бежали. Почти не таясь. Наверное, бежать было недалеко, если Влас так рисковал.

Так и вышло. Влас юркнул в ближайший переулок, нырнул в пролом в заборе. Они нырнули следом и оказались в уютном, поросшем старыми липами дворе. Дом был небольшой, с лепниной и буржуазными вензельками на фасаде. По крайней мере, таким его запомнил Григорий по своей прежней довоенной жизни. А запомнил потому, что однажды чуть не обнес квартиру в этом самом домике. Квартир, к слову, было всего две на весь дом. Невиданная роскошь по тем временам.

Почему «чуть»? А потому, что его поймали! Вот товарищ Головин и поймал, считай, за руку схватил, когда Григорий поперся сбывать краденное в область. Он же не дурак был, понимал, что в родном городе сбывать краденное опасно. Оказалось, что и в области опасно. Вот таким хорошим сыщиком был Влас Петрович Головин. Не хуже Шерлока Холмса.

И вот сейчас Влас тащит их к той самой обнесенной квартире. Кто в ней тогда жил? Кажется, какой-то городской чинуша. Вальяжный, брюхатый, что тот боров. Такого не грех и пощипать.

Дом казался нежилым. Он отгородился от мира плотными шторами, не пропускающими свет. Одно из окон пересекала трещина, заклеенная чем-то хлипким, ненадежным. Жить в комнате с таким окном невозможно. Лучше бы уже досками забили. Это всяко разумнее и теплее.

Влас потянул на себя ручку входной двери и растворился в темной утробе дома. Григорий и парни шмыгнули следом. Дверь за их спинами закрылась почти беззвучно, будто кто-то специально озаботился тем, чтобы петли не скрипели.

Щелкнула зажигалка, и в руке у Власа заплескал робкий огонек. Света от него едва хватало лишь на то, чтобы осветить дверь с медной табличкой. На табличке была выгравирована цифра «1». Влас приложил палец к губам и не постучался, а буквально поскребся в дверной косяк.

Очень долго ничего не происходило. Григорий слышал немецкие голоса, доносящиеся с улицы, но ни слышал ни звука из-за закрытой двери. Он тронул Власа за плечо, и тот нетерпеливым движением сбросил его руку. Хорошо, что всего лишь нетерпеливым, а не испуганным или, к примеру, брезгливым. Наконец с той стороны послышались шаги – легкие, почти неведомые, а женский голос с бархатной сипотцой раздраженно спросил:

– Кто там?

– Стелла... Стелла Витольдовна, это я, Влас Головин.

В голосе Власа тоже послышалась сипотца, только не бархатисто-приятна, а какая-то взволнованная. Будто бы собирался товарищ командир сдавать какой-то важный экзамен.

– Влас?.. – А в женском голосе теперь появилось удивление пополам с радостью. Интересные дела.

– Стелла Витольдовна, впустите нас, пожалуйста.

Она, эта Стелла Витольдовна, оказалась отчаянной женщиной, потому что не стала спрашивать, с кем он приперся. Или просто настолько доверяла Власу? Как бы то ни было, а дверь бесшумно распахнулась. С той стороны со свечой в руке стояла изящная молодая женщина.

– Поздновато для визитов, – сказала она тем самым бархатистым голосом и вытянула вперед руку со свечей, чтобы получше разглядеть незваных гостей. – Входите! Да прикройте скорее дверь, сквозит!

Влас послушно закрыл дверь, повернул ключ в замке.

– Стелла Витольдовна, я понимаю, что наш визит несколько... – замямлил он.

– Неожиданный? – дама не дала ему договорить, махнула свободной рукой. – Не толкитесь в пороге, молодые люди! Пройдемте в гостиную. И разуйтесь, прошу вас! Только сегодня помыла полы.

По лицу Власа было понятно, как не хочется ему злить дивноголосую Стеллу. Однако, и разуваться в нынешних условиях было неразумно, поэтому Григорий взял инициативу на себя.

– Несравненная Стелла Витольдовна, – сказал он, глядя в ее прямую спину. Лучше бы конечно в глаза, но и так сойдет. – Мы бы предпочли не разуваться. В силу некоторых обстоятельств.

– Так уж и несравненная? – Она остановилась, но оборачиваться не стала. – Кстати, мне знаком ваш голос. Мы встречались раньше?

Встречались. В кабинете у Головина пару лет назад. Стелла Витольдовна тогда забежала подписать какие-то бумаги – легкая, как весенний ветерок и изящная, как лань. Тогда Григорий с ней всего лишь поздоровался. Такой уж он был воспитанный человек. Она кивнула ему вежливо-равнодушно, чуть менее равнодушно, чем Головину. Но мгновения этого хватило, чтобы Григорий успел ее разглядеть.

Не красивая, но, как это принято говорить, с изюминкой. Высокая, стройная, с каштановыми волосами, уложенными с замысловатую прическу. Тонкокостная, бледнолицая, черноглазая, большеротая, с ироничной, не свойственной дамочкам такого типа усмешкой. Одним словом – интересная. Тогда Влас не посчитал нужным представить их друг другу. Да и какой интерес такой вот штучке знакомиться с уголовником? Но Григорий ее запомнил, как запомнил картины в альбоме, украденном у одного старого антиквара. Тот альбом он оставил себе, не смог расстаться с этакой красотой. Названия картин и имена художников выучил наизусть. Даже биографии выучил. Он бы и про эту черноглазую все разузнал, если бы не сел. Просто так разузнал бы, ради интереса. Не дрогнуло в его сердце ничего такого, просто стало любопытно, кто такая, откуда, чем занимается. Тогда не узнал, а сейчас, кажется, все узнает.

– Вам показалось, Стелла Витольдовна, – сказал Влас поспешно. – Вы не знакомы.

Молодец! Не стал подставлять и позорить старого знакомого перед прекрасной Стеллой. Да и перед детишками тоже.

– Странно. – Стелла дернула острыми плечами и направилась в гостиную. – У меня хорошая память на голоса.

У нее на голоса, а у Григория на лица. И вот этого мордастого дядьку на фотографии он очень хорошо помнит. Тот самый боров, хозяин квартиры. А еще, похоже, муженек несравненной Стеллы. Потому что вот она рядом с ним на фотографии, держит под руку, улыбается. На ней элегантно платье, так сразу и не скажешь, что свадебное, но колечко на безымянном пальце и влюбленный взгляд борова красноречивы. Новобрачные. Счастливые или нет – это уже второй вопрос. Вот, значит, чьи побрякушки он тогда вынес и пытался продать. Вот, значит, ради кого землю рыл Влас Петрович Головин. Да-да, не только из-за служебного рвения, имелся у товарища следователя и свой личный интерес. Вот этот черноглазый, большеротый, насмешливый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.